КЛАССИКА ИД ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Смертельная ловушка

Смертельная ловушка
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Смертельная ловушка
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Рекс Стаут
Смертельная ловушка

Rex Stout
BOOBY TRAP
Copyright © 1944 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Никиты Вуля
Оформление обложки Ильи Кучмы
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. А. Вуль, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Направившись к выходу из дома, располагавшегося на Тридцать пятой улице неподалеку от Гудзона и служившего моему шефу еще и конторой, Ниро Вулф, который вышагивал впереди меня, вдруг остановился, причем сделал это настолько резко, что я едва не налетел на него. Повернувшись, он остановился как вкопанный и посмотрел на мой портфель:

— Она у тебя?

— Вы о чем? — с невинным видом поинтересовался я.

— Ты прекрасно знаешь. Я спрашиваю об этой чертовой гранате. Я не желаю, чтобы эта адская машина и дальше оставалась в моем доме. Так она у тебя с собой?

Я не желал сдаваться без боя.

— Полковник Райдер, являющийся моим непосредственным командиром, — сухо, по-военному ответил я, — сказал, что я могу оставить ее у себя в качестве награды за проявленное мужество и героизм в ходе…

— Я запрещаю тебе держать ее в моем доме! Я

не имею ничего против пистолетов, поскольку они отчасти являются нашими рабочими инструментами. Эта штуковина — совсем другое дело. Если по чистой случайности чека сдвинется с места, то снесет всю крышу. Про шум и грохот от взрыва я вообще молчу. Я-то думал, ты понял, что я даже не собираюсь это обсуждать. Будь любезен, захвати ее с собой.

Раньше я бы заупрямился и начал спорить. Я бы сказал, что моя комната на третьем этаже — моя крепость. Я бы напомнил Вулфу, что это комната предоставлена мне как часть платы за то, что я терплю его общество, будучи его помощником и телохранителем. Увы, все это сейчас не имело смысла. В данный момент я находился на службе у конгресса, тратившего десять миллиардов долларов в месяц на армию, винтиком которой я и являлся. В результате я лишь пожал плечами в знак того, что согласен пойти у него на поводу. Прекрасно зная о том, сколь сильно Вулф ненавидит стоять и ждать, я не торопясь направился к лестнице и поднялся на третий этаж в свою комнату. Именно там, на комоде, я и хранил ее. Граната, выкрашенная в бледно-розовый цвет, длиной примерно семь дюймов и диаметром три дюйма, не производила впечатления смертельно

опасной игрушки. Потянувшись за ней, я бросил взгляд на чеку — она была по-прежнему на месте. Убрав гранату в портфель, я все так же не спеша спустился вниз и пропустил мимо ушей замечание, которое Вулф счел нужным мне сделать. Выйдя на улицу, мы направились к припаркованному у тротуара седану.

Бензин без ограничений — вот что Вулф потребовал от армии и тут же немедленно получил. Нет, я не пытаюсь сказать, что Ниро Вулф хотел нажиться на войне. Как раз наоборот, он многим жертвовал ради победы. В первую очередь он отказался от большей части дохода, который получал, будучи частным детективом. Во-вторых, если шла речь о расследовании в интересах армии, Вулф с готовностью жертвовал временем, которое регулярно проводил в оранжерее с орхидеями. В-третьих, он согласился на время забыть о своем железном правиле: максимально избегать лишних движений, особенно за пределами дома. В-четвертых, нельзя забывать и о еде. Я внимательно следил за Вулфом, выискивая повод съехидничать, но он все никак не давал мне повода. Вулф с Фрицем творили чудеса, ограничиваясь лишь тем, что мы получали по карточкам, и это притом, что мы жили в самом

центре Нью-Йорка, где буйным цветом цвел черный рынок, а нелегальных торговцев было как грибов после дождя. И несмотря на все это, кухня Вулфа заслуживала наивысших похвал.

Истратив на дорогу не более половины галлона бесценного топлива, и это с учетом остановок, торможения и набора скорости в потоке бесчисленных машин, мы наконец прибыли на место. Я высадил Вулфа перед домом номер 17 на Дункан-стрит, после чего нашел свободное место, припарковался и нагнал Вулфа уже в вестибюле. После того как мы вышли из лифта на десятом этаже, Вулфу снова пришлось проявить самообладание, чтобы подавить приступ раздражения. Поскольку я был в форме, стоявший на часах капрал откозырял мне, и я ответил ему тем же. Вулфа капрал проигнорировал, и это несмотря на то, что тот бывал здесь не один десяток раз. Разгадка представлялась простой: дело в том, что Вулф был в гражданском, а в нью-йоркском штабе военной разведки к гражданским относились без особого уважения. После того как капрал дал жестом понять, что нам можно войти, мы переступили порог, протопали по длинному коридору с чередой закрытых дверей, одна из которых вела в мой кабинет, свернули за угол и вошли в прием-

ную заместителя начальника военной разведки.

За письменным столом сидела девушка в форме с сержантскими нашивками и стучала по клавишам пишущей машинки.

Я поздоровался, пожелав ей доброго утра.

— И вам доброе утро, майор, — ответила девушка. — Сейчас доложу, что вы пришли. — Она потянулась к телефону.

— Что это, во имя всего святого? — с настойчивостью в голосе спросил Вулф, уставившись во все глаза на девушку.

— Женская вспомогательная служба вооруженных сил, — ответил я. — С тех пор как вы были здесь в последний раз, у нас произошли кое-какие перемены. Теперь тут стало веселее. Вы не находите?

Поджав губы, Вулф продолжил разглядывать девушку. Он не имел к ней никаких личных претензий. Ему просто не давал покоя сам факт, что данную работу выполняет представительница прекрасного пола, которая вдобавок ко всему служит в армии и носит форму.

— Все в порядке, — успокоил я Вулфа. — Все самые важные секреты мы держим в тайне от нее. Например, если кто-нибудь из офицеров носит корсет, она никогда об этом не узнает.

Девушка тем временем повесила телефонную трубку и повернулась к нам:

— Господа, полковник Райдер просил передать, что ждет вас.

— Вы мне не откозыряли, — сурово сказал я.

Если бы у нее было чувство юмора, она бы тут же вскочила и отсалютовала мне, однако этого не произошло. За все десять дней, что она успела у нас поработать, мне так и не удалось выявить у нее хотя бы крупицу этого чувства. Однако это не означало, что я был готов сдаться. Я решил, что она специально водит меня за нос. У нее были серьезные, внимательные глаза и прямой нос. Обычно ожидаешь, что у обладательницы таких черт лица должен быть острый, выступающий подбородок, однако подбородок у девушки никак нельзя было назвать выступающим. Он бы прекрасно уместился у меня в ладони, если бы, конечно, наши отношения зашли настолько далеко.

— Прошу прощения, майор Гудвин, — проговорила она, — я выполняю правила…

— Ладно-ладно, — с деланой небрежностью отмахнулся я. — Познакомьтесь. Это мистер Ниро Вулф. Мистер Вулф, это сержант Дороти Брюс, армия Соединенных Штатов.

Они кивнули друг другу. Я подошел к двери, находившейся на другом конце приемной, открыл ее, пропустил вперед Вулфа, а затем проследовал за ним, аккуратно прикрыв за собой.

Мы оказались в просторном кабинете, располагавшемся в торцевой части здания, с окнами на обе стороны. Кабинет был набит запертыми на замки металлическими шкафами для документов в две трети высоты стен. Единственный просвет в этих шкафах был занят еще одной дверью, которая вела прямо в коридор, минуя приемную.

Царившая в кабинете атмосфера не располагала к веселью и юмору. Четверо сидевших на стульях мужчин напоминали болельщиков, чья любимая команда продула два матча подряд. Поняв, что обстановка не требует строгого следования уставу, я не стал козырять. С двумя полковниками и лейтенантом нам уже доводилось встречаться. И хотя четвертого мужчину, в гражданском, видели впервые, мы уже знали, кто он такой. Нас успели о нем предупредить. Более того, любой добропорядочный гражданин наверняка узнал бы Джона Белла Шаттака. Он был ниже, чем я ожидал, и, пожалуй, чуть поплотнее, однако, когда он встал, чтобы пожать

нам руки, и посмотрел в глаза, у меня отпали все сомнения. Да, мы были жителями Нью-Йорка, однако Шаттак, как и полагалось любому политику, понимал, что теоретически мы можем в один прекрасный день переехать в его штат и стать его избирателями.

— Знакомство с Ниро Вулфом по-настоящему знаменательное событие, — произнес он.

Мне показалось, что Шаттак специально старается говорить голосом пониже, чем тот, которым его наградил Господь. Меня это нисколько не удивило. После того как Уинстон Черчилль выступил в конгрессе, ему пыталась подражать добрая половина вашингтонских политиков.

Вежливо поздоровавшись с ним, Вулф повернулся к Райдеру:

— Пользуясь возможностью, полковник, спешу принести вам самые искренние соболезнования. Ваш сын. Ваш единственный сын…

Райдер сжал зубы. Прошла уже неделя с тех пор, как он получил печальные известия.

— Благодарю вас, — отозвался он.

— Он убил кого-нибудь из немцев?

— Он сбил четыре немецких самолета. Полагаю, что да, убил. Надеюсь, что убил.

— Не сомневаюсь, — крякнул Вулф. — Я не могу

о нем говорить, ведь мы не были знакомы. Но я знаком с вами. Если бы я знал, как вас подбодрить, то непременно сделал бы это. Впрочем, насколько я могу судить, вы прекрасно держитесь и сами.

Вулф осмотрелся, окинув взглядом свободные стулья, обнаружил, что все они одинакового размера, после чего уселся на один из них. Как обычно, его зад на нем не уместился и свешивался с краев.

— Где он погиб? — спросил Вулф.

— На Сицилии.

— Славный был мальчик, — вставил Джон Белл Шаттак. — Я был его крестным. Он был лучшим парнем во всей Америке. Я гордился им. Горжусь и сейчас.

Райдер закрыл глаза, потом снова открыл их, снял трубку телефона, стоявшего у него на столе, и проговорил в нее:

— Соедините меня с генералом Файфом. — Некоторое время он ждал, наконец произнес: — Господин генерал? Мистер Вулф на месте. Все уже собрались. Нам к вам подойти прямо сейчас? Вот как? Хорошо, сэр, вас понял. — Полковник повесил трубку и сообщил присутствующим: — Он сейчас сам подойдет.

Вулф поморщился. Я прекрасно понял, чем

вызвано его неудовольствие. Дело в том, что наверху, в кабинете генерала, имелось просторное кресло, причем не одно, а целых два. Я подошел к столу Райдера, положил портфель, расстегнул замки и вытащил гранату:

— Вот она, полковник. Пожалуй, достану ее сейчас, пока мы ждем. Куда мне ее деть?

— Я же сказал, что можете оставить ее себе, — скривился Райдер.

— Я помню. Однако я могу хранить ее только у себя в комнате в доме мистера Вулфа, а это недопустимо. Вчера вечером я видел, как он в ней ковырялся. Боюсь, как бы дело не дошло до беды. С другой стороны, хранить мне ее больше негде.

Все посмотрели на Вулфа.

— Вы все прекрасно знаете майора Гудвина, — с раздражением ответил он. — Я и пальцем бы не притронулся к этой штуке. Я не потерплю ее у себя в доме.

— Возвращение блудной гранаты, — с печальным видом кивнул я.

Райдер взял гранату, осмотрел чеку, убедился, что она в полном порядке, и вдруг вскочил, вытянувшись, поскольку дверь отворилась и появилась сержант Дороти Брюс, которая четко, по-военному доложила:

— Генерал Файф!

После того как вошел генерал, она снова удалилась в приемную, закрыв за собой дверь. Конечно же, к этому моменту мы все стояли по стойке смирно и козыряли Файфу. Он отдал нам честь, пожал руки, поздоровался с Джоном Беллом Шаттаком и, еще раз окинув кабинет пристальным взглядом, показал пальцем на левую руку Райдера.

— Что, черт подери, вы собрались делать с этой штуковиной?! — сурово спросил он. — Поиграть в мяч?

Райдер посмотрел на свою руку, в которой сжимал гранату:

— Сэр, ее только что вернул майор Гудвин.

— Это вроде одна из тех — системы X14? Я не ошибаюсь?

— Никак нет, сэр. Она самая. Как вам известно, их нашел майор Гудвин. Я дал ему разрешение оставить одну себе.

— Вот как? Значит, дали разрешение? А я такое разрешение давал?

— Никак нет, сэр.

Райдер выдвинул ящик стола, положил туда гранату и задвинул ящик обратно. Генерал Файф подошел к стулу, развернул его к себе и сел на

него задом наперед, положив руки на спинку. Ходили слухи, что он взял эту манеру после того, как увидел фотографию Эйзенхауэра, сидящего на стуле как раз таким образом. Я не имел ничего против этой привычки генерала: как-никак он был единственным профессиональным военным из всех присутствующих. Полковник Райдер был адвокатом из Кливленда. Полковник Тинкхэм работал сыщиком на какой-то нью-йоркский банк. Кстати, выглядел Тинкхэм так, словно мать-природа клепала его в спешке, чтобы налепить куда-нибудь подвернувшиеся под руку крошечные коричневые усики. Все части его тела были совершенно непропорциональны, словно их взяли от разных людей. Лейтенанта Кеннета Лоусона две недели назад прислали из Вашингтона, и он до сих пор оставался загадочной личностью. Впрочем, по поводу его происхождения все было яснее ясного. Его отец Лоусон-старший, промышленный магнат и владелец корпорации «Истерн продактс», прославился тем, что сослужил отчизне службу в трудный час, сократив свой оклад на сто тысяч долларов. Про Лоусона-младшего я знал лишь одно: на второй день службы у нас он попытался пригласить сержанта Брюс на свидание и получил от ворот поворот.

В кабинете остался единственный не занятый никем стул — рядом со шкафом. На стуле лежал маленький чемоданчик из свиной кожи. Стараясь поднимать шума не больше, чем полагалось в данных обстоятельствах мне, носившему чин майора, я поставил чемоданчик на пол и сел.

— Что вам удалось выяснить? — тем временем наседал генерал Файф. — Где народ? Где пресса? Что, нет фотографов?

Лейтенант Лоусон начал было склабиться, но, увидев, как на него смотрит полковник Райдер, тут же придал лицу непроницаемое выражение. Полковник Тинкхэм погладил кончиком указательного пальца усы: сперва правый ус, потом левый. Именно этот жест он всегда использовал для того, чтобы продемонстрировать свою невозмутимость.

— Пока нам ничего не удалось выяснить, сэр, — ответил Райдер. — Мы еще толком не взялись за дело. Вулф приехал буквально только что. Остальные ваши вопросы…

— Адресованы не вам! — отрезал Файф, демонстративно разглядывая Джона Белла Шаттака. — Вы ведь вроде слуга народа? Ну и где же народ? Где микрофоны? Где кинокамеры? Как люди обо всем узнают?

Шаттак даже глазом не моргнул. Более того, он попытался пойти в контратаку.

— Послушайте, — с укоризной произнес он, — не надо думать, что мы зря едим свой хлеб. Мы, точно так же как и вы, по мере сил пытаемся исполнять свой долг. Иногда мне кажется, было бы неплохо взять вооруженные силы под наш контроль, скажем, на месяц…

— Боже всемогущий!

— А генералам с адмиралами дать на тот же месяц покомандовать в Капитолии. Вне всякого сомнения, мы многому научимся. Уверяю вас, я прекрасно понимаю, что это строго конфиденциальное дело. Я даже не упомянул о нем членам своего комитета в конгрессе. Я счел своим долгом обратиться за советом к вам. Именно это я и сделал.

Судя по взгляду Файфа, речь Шаттака ни на йоту не смягчила генерала.

— Вы получили письмо.

— Именно так, — кивнул политик. — Анонимное, без подписи. Отпечатанное на машинке. Возможно, это работа сумасшедшего. Скорее всего, именно так, однако я решил, что было бы неразумно игнорировать его.

— Вы позволите на него взглянуть?

— Оно у меня, — вмешался полковник Райдер.

Он извлек из-под пресс-папье на столе бумагу и, сделав несколько шагов по кабинету, протянул ее своему начальнику. Однако Файф рылся в своих карманах и даже не взглянул на листок.

— Я оставил очки у себя в кабинете. Читайте, что там.

Райдер подчинился.

Любезный сэр,

я обращаюсь к Вам в силу того, что, по моему разумению, именно Вашему следственному комитету предоставлены полномочия расследовать дела подобного рода. Как Вам известно, в чрезвычайной обстановке, вызванной войной, армии доверяют секреты различных производственных процессов. Вполне вероятно, что подобная практика в данных обстоятельствах вполне оправданна, однако к ней прибегают также и для достижения преступных целей. Часть секретов, которые на данный момент не запатентованы и не находятся под защитой авторских прав, передаются тем, кто собирается их использовать в конкурентной борь-

бе после окончания войны. Законные владельцы лишаются собственности стоимостью в десятки миллионов долларов.

Найти доказательства происходящему будет сложно, поскольку злоумышленники введут в систему производства украденные новшества только после войны. Подробностей я Вам не сообщаю, однако честное и тщательное расследование непременно выведет преступников на чистую воду. Посоветую Вам только отправную точку: смерть капитана Альберта Кросса, служившего в военной разведке. Согласно официальной версии, позавчера он случайно упал или же выбросился с двенадцатого этажа отеля «Баскомб» в Нью-Йорке. Действительно ли это так? Выясните, что он расследовал. Что ему удалось узнать? С этого и начните.

Гражданин

Повисла тишина. Гробовая.

— Толково написано. Складно, — прочистив горло, заметил полковник Тинкхэм тоном учителя, хвалящего школяра за хорошее сочинение.

— Позвольте взглянуть, — попросил Вулф.

Райдер передал ему листок, а я встал, пересек кабинет и, подойдя к Вулфу, заглянул ему через плечо. Тинкхэм и Лоусон последовали моему примеру. Вулф любезно держал письмо так, чтобы нам всем было видно. Оно было отпечатано на самом обычном листке высокосортной бумаги. Автор разместил текст аккуратно посередине, набрав его с одинарными пробелами. Ни ошибок, ни помарок. В силу привычки и опыта я обратил внимание на две механические особенности пишущей машинки: буква «с» располагалась чуть ниже уровня строки, а буква «о» была смещена чуть влево, например, в слове «этого» она слегка налезала на букву «т». Когда Тинкхэм и Лоусон отошли, я все еще всматривался в текст. Наконец Вулф отдал мне письмо, чтобы я вернул его Райдеру.

— Тоже мне! — фыркнул Лоусон, опустившись на стул. — Мог бы все выложить как на духу, а вместо этого одни намеки.

— То есть дело можно закрывать и расходиться. Я правильно понял, лейтенант? — с сарказмом в голосе поинтересовался Файф.

— Сэр?

— Я спрашиваю: ваш вердикт окончательный

или вы все-таки позволите нам продолжить?

— Прошу прощения, сэр. — Лоусон покраснел. — Я просто заметил…

— Чтобы замечать, лейтенант, надо смотреть и слушать.

— Так точно, сэр!

— Если позволите… — начал полковник Тинкхэм.

— Да, говорите.

— Я насчет письма. Обратил внимание на кое-что интересное. Его автор обладает острым умом и очень хорошо образован. Кроме того, он прекрасно управляется с пишущей машинкой. Либо он надиктовал письмо машинистке, что весьма маловероятно. Посмотрите, какие ровные поля справа. А двойной пробел после каждой точки…

Вулф что-то буркнул, и Файф тут же перевел на него взгляд:

— В чем дело?

— Ни в чем, — отозвался Вулф, — хотя, думаю, я бы не стал возражать, если бы этот стул был сделан с бóльшим умом и был бы бóльших размеров. Если дискуссия и дальше будет оставаться на уровне детского сада, предлагаю присутствующим сесть на пол.

— Неплохая мысль. Не исключено, что мы

дойдем и до этого, — кивнул Файф и обратился к Шаттаку: — Когда вы получили это письмо?

— Его доставили вместе с остальной почтой в субботу утром, — отозвался политик. — Обычный конверт, адрес отпечатан на машинке, с пометкой «Лично». Судя по штампу, его отправили из Нью-Йорка в пятницу, в половине восьмого вечера. Моим первым порывом было отдать его ФБР, но я решил, что, поступив так, обойдусь с вами бесчестно. Поэтому я позвонил Харолду… то есть полковнику Райдеру. Мне все равно нужно было ехать в Нью-Йорк. Сегодня я выступаю на обеде перед членами Национальной ассоциации промышленников… Вот мы и договорились встретиться здесь и все обсудить.

— Значит, вы не поставили в известность генерала Карпентера?

— Нет, — улыбнулся Шаттак. — После того как несколько месяцев назад ему пришлось давать свидетельские показания перед моим комитетом, я, скажем так, не в настроении лишний раз перебегать ему дорожку.

— Но ведь это дело в его компетенции.

— Я в курсе, однако в данный момент его интересы далеки от этой сферы… Или я ошибаюсь? — Шаттак округлил глаза.

— Сейчас он заварил кашу в Вашингтоне, — покачал головой Файф. — А может, и не кашу. Одним словом, он что-то стряпает. Итак, вы передаете письмо нам, чтобы мы провели расследование. Я правильно вас понял?

— Я не знаю, — замялся Шаттак, глядя в глаза генералу. — Письмо адресовано мне, как председателю одного из комитетов конгресса. Я приехал к вам, чтобы обсудить создавшееся положение.

— Знаете… — Файф тоже замялся и, подумав, продолжил, тщательно подбирая слова: — Знаете, я мог бы сейчас сказать, что речь идет о военной безопасности и потому обсуждать нам с вами нечего.

— Знаю, вы действительно могли бы так поступить, — согласился Шаттак, выделив интонацией словосочетание «могли бы».

Файф смерил его бесстрастным взглядом:

— Давайте поговорим неофициально, без протокола. В этом письме нет ни единого свидетельства того, что его автор действительно располагает полезной информацией. Любой человек с головой на плечах знает: в военном производстве задействованы тысячи облеченных нашим доверием людей, а вместе с ними интересы серьезных воротил и миллиарды долларов.

По этим причинам случается всякое. Скажем так, случается очень многое, в том числе и то, на что намекает автор письма. Одна из задач военной разведки по возможности предотвращать подобные эксцессы.

— Разумеется, — перебил его Шаттак, — я и не рассчитывал, что изложенное в письме станет для вас громом среди ясного неба.

— Благодарю, — произнес Файф тоном, в котором не слышалось даже намека на благодарность. — Оно таким громом и не стало. Вы видели розовую штуковину, которую Райдер убрал к себе в стол? Видели. Это граната. Новая разработка. В ней все новое: не только конструкция, но и содержимое. Кое-кто захотел заполучить опытные образцы — и получил их. Нет, речь идет не об агентах противника, — по крайней мере, так считаем мы. Расследованием этого дела занимался как раз капитан Кросс, который погиб на прошлой неделе. Ни один человек на свете, за исключением присутствующих в этом кабинете, не знал, что именно расследовал Кросс. Кросс сел на хвост преступникам. Как именно — нам неизвестно, поскольку он с понедельника не выходил на связь. Возможно, теперь мы этого никогда и не узнаем. Майор Гудвин славно потрудился: он

расшифровал запись в записной книжке Кросса — запись, показавшуюся нам всем бессмыслицей. Так ему удалось обнаружить гранаты. Они были спрятаны в ящике, оставленном Кроссом в камере хранения на автовокзале. Я рассказываю вам об этом, потому что, во-первых, в вашем письме упоминается Кросс, а во-вторых, мне хочется подчеркнуть одну вещь. Если автор письма пытается сообщить нам нечто такое, чего мы не знаем, ему придется сделать это еще раз.

— Господи боже, генерал, я в курсе, что вы не вчера на свет родились! — возразил Шаттак. — Поверьте, я получаю немало анонимок, которые сразу же отправляются в мусорную корзину. Однако я решил сообщить вам об этом письме в первую очередь из-за того, что в нем упоминался Кросс. Расследование обстоятельств его смерти вообще проводили?

— Естественно. Этим занималась полиция.

— А вы? — не отступал Шаттак. — Вы расследование проводили? Мне кажется, мой вопрос вполне уместен, — поспешно добавил политик. — Я интересуюсь у вас об этом неофициально. Насколько я понимаю, от расследования, которым занималась полиция, толку мало, если вы, конечно, не сообщили ей, чем именно занимался

Кросс и кто конкретно об этом знал. Однако я полагаю, вы не вправе разглашать подобные сведения полиции.

— Мы сотрудничаем с полицией, но только до определенного предела, поскольку должны соблюдать режим секретности, — ответил Файф, снова тщательно подбирая слова. — Что же касается первого вопроса… Уместен он или нет, не так уж и важно, однако мы ни от кого не скрываем, что Ниро Вулф, будучи лицом гражданским, сотрудничал с нами, оказывая помощь в самых разных делах в качестве консультанта. Этот факт не является военной тайной. Об этом даже писали в газетах. Вы согласны, что Вулф достаточно компетентен?

— Я политик, — улыбнулся Шаттак, — и не склонен оказываться в меньшинстве.

— Так вот, Вулф занимается расследованием обстоятельств смерти Кросса по нашей просьбе. Если вы выясните, кто именно написал это письмо, сообщите об этом автору. Это должно его успокоить.

— Что ж, коли так, то, по крайней мере, я уже спокоен, — объявил Шаттак. — Простите, если вы не возражаете… Вы позволите задать мистеру Вулфу пару вопросов?

— Разумеется. Только я не обещаю, что он захочет на них ответить. Приказать я ему не могу. Он лицо гражданское и в армии не служит.

Вулф заворчал. Он уже давно демонстрировал столь хорошо знакомые мне признаки раздражения, нетерпения, дискомфорта и настойчивого желания поскорее вернуться домой, где его дожидалось холодное пиво и специально изготовленные на заказ кресла, без труда вмещавшие его тучную фигуру.

— Мистер Шаттак, — резко произнес Вулф, — позвольте вам кое-что пояснить. Возможно, ваши вопросы отпадут сами собой. Мне не так уж и важно, чем они вызваны — праздным любопытством или пламенем патриотизма, полыхающим в вашем сердце. Одним словом, капитан Кросс был убит. Я ответил на ваши вопросы?

Тишина. Никто не произнес и звука. Генерал Файф переглянулся с полковником Райдером, но ни один из них так ничего и не сказал. Полковник Тинкхэм погладил пальцем усики. Лейтенант Лоусон, нахмурившись, уставился на Вулфа. Глаза Шаттака заблестели. Политик, прищурившись, окинул взглядом лица присутствующих.

— О боже! — наконец ахнул лейтенант Лоусон.

Глава 2

Вулф сделал вид, что ничего экстраординарного не произошло. Впрочем, в кабинете никто, за исключением меня, даже не догадывался о том, что Вулф притворяется. Я несравнимо лучше других знал его. Вполне допускаю, что остальные и не подозревали, что, несмотря на полуприкрытые веки, Вулф внимательно следит за реакцией присутствующих и от его внимания не ускользнет даже едва заметное движение.

— Боюсь, — сухо произнес он, — вы, мистер Шаттак, вряд ли сможете извлечь из этой истории пользу. Ни дополнительных голосов избирателей, ни признания общества, ни грома аплодисментов восторженной толпы. Я признал в вашем присутствии факт убийства исключительно потому, что не могу его сейчас доказать, да и в дальнейшем у меня вряд ли появится такая возможность. У меня нет ни единого доказательства, ни одной улики. Сесть в лифт и подняться на двенадцатый этаж в номер капитана Кросса мог в буквальном смысле кто угодно. Никого не видели. Несмотря на все старания полиции, гора

родила мышь. Окно распахнуто настежь, капитан лежит на тротуаре. Мертв. Разбился. Вот и все.

— Тогда какого черта вы утверждаете, что его убили?! — резко спросил Лоусон.

— Потому что это так. У него не было ни малейших шансов случайно выпасть из окна. С теми же шансами на успех я мог бы участвовать в выборах в конгресс. Кросс не выпрыгивал из окна, не выползал из него наружу. В день смерти в восемь часов вечера он позвонил полковнику Райдеру и пообещал, что зайдет к нему утром с докладом. Кроме того, он сказал, что не спал двое суток и ему надо отдохнуть. А еще он послал телеграмму в Бостон своей невесте — написал, что проведает ее в субботу. И после этого кончать с собой? — Вулф презрительно фыркнул.

— Вот оно что… — слегка разочарованно протянул Файф и снова скрестил руки на спинке стула. — А я-то думал, вам удалось что-то нарыть…

— Я и нарыл, — погрозил ему пальцем Вулф. — Я установил, что капитана Кросса убили. Однако мне не удалось отыскать ниточки, которые смогли бы нас привести к убийце, — ниточки, берущие начало от изломанного тела на тротуаре или от номера, из окна которого вылетел

мистер Кросс. Полиция прекрасно потрудилась и при этом ничего не нашла. Нам нужно отыскать какую-нибудь другую отправную точку. Если преступник руководствовался неким личным мотивом, корни которого уходят в прошлое убитого, у полиции есть все шансы на успех. Именно эту версию сейчас и отрабатывают. Если же преступник был профессионалом и причина убийства кроется в деятельности капитана Кросса, значит убийцу, возможно, отыщем мы в ходе данного расследования. Если я правильно понял и мы продолжим расследование, то будем исходить именно из этих посылок. Так? Мы будем следовать прежней намеченной линии? С тем же кругом лиц?

Файф молча разглядывал уголок стола Райдера.

— Я задал вопрос, генерал, — отрывисто произнес Вулф.

— Безусловно, — вскинул голову Файф, — мы продолжим расследование. Разумеется.

— Пожалуй, мистер Вулф, у меня больше нет к вам вопросов, — удовлетворенным тоном изрек Шаттак.

— Вы мне позволите сделать замечание? — поинтересовался Тинкхэм.

— Валяйте! — отозвался Файф.

— Я по поводу круга лиц. Мистер Вулф использовал именно это словосочетание. Дело нам предстоит сложное и запутанное, пусть это единственное, что мы сейчас знаем наверняка. Кроме того, судя по тому, что случилось с Кроссом, если мистер Вулф прав, еще и в некотором смысле опасное. Такое дело нельзя поручать детскому саду, а ведь если мистер Вулф придерживается именно такого мнения о нас и особенно обо мне…

— Это что еще за телячьи нежности? — сурово спросил Файф. — Приказ исходит от меня.

— Полковник, я пытался вас просветить, а не унизить, — пояснил Вулф.

— Нежности тут совершенно ни при чем, — с чувством произнес Тинкхэм, что было для него весьма необычно. — Я-то как раз хочу и дальше принимать участие в расследовании. Мне просто хотелось окончательно для себя прояснить, с какой целью мистер Вулф задал вопрос о круге лиц.

— Чтобы получить ответ. — Вулф внимательно посмотрел на Тинкхэма. — И я его получил.

— И все же полковник Тинкхэм в чем-то прав, — вмешался Лоусон, обращаясь к генералу

Файфу. — Например, сэр, вы сейчас говорите, что приказы исходят от вас. Однако это не так. По крайней мере на протяжении тех двух недель, что я провел здесь, они исходили либо от полковника Райдера, либо от Ниро Вулфа. Помимо того, что это вносит неразбериху, Вулф разговаривает с нами так, словно носит на плечах погоны генерала армии, а это не так.

— Господи, и вы туда же! — с отвращением воскликнул Файф. — Что, тон Вулфа уязвил и ваше самолюбие? Черт подери, армия действительно превращается в детский сад! Ну и что же мне делать? Если я отправлю вас за океан или сбагрю обратно в Вашингтон, ваш сменщик окажется еще хуже. — Он повернулся к Вулфу. — Что там у вас случилось с Райдером? Вы разошлись во мнениях? Отдавали разные приказы?

— Насколько мне известно, нет, — терпеливо ответил Вулф.

— А вы что скажете? — обратился Файф к Райдеру.

— Никак нет, сэр, — небрежно ответил Райдер, словно вопрос генерала был неинтересен и не представлял никакой важности. — Мистер Вулф активно принимает участие в совместной работе и оказывает нам огромную помощь. Лишь по-

следний дурак станет возмущаться его манерами. Однако должен сказать: принимая во внимание обстоятельства, в составе нашего коллектива будут перемены. Хочу обратиться к вам с просьбой… Со всем уважением к вам я прошу вашего разрешения поехать в Вашингтон и встретиться с генералом Карпентером. Сегодня.

В третий раз в кабинете воцарилось гробовое молчание. Поскольку остальные присутствовавшие не являлись профессиональными военными, мы не могли до конца понять, что за подтекст крылся в просьбе, адресованной в подобной манере, однако от нашего внимания не ускользнуло то, что случилось с лицом Файфа. Оно словно застыло. Старый служака уставился на Райдера, сидевшего перед ним за столом. Впервые за все время нашего знакомства генерал выглядел по-дурацки.

— Пожалуй, сэр, — продолжил Райдер, выдержав взгляд Файфа, — мне следует добавить, что я собираюсь встретиться с генералом Карпентером отнюдь не по личному делу. Вопрос касается армии. У меня забронирован билет на рейс в пять вечера.

Снова молчание. Мускулы на шее Файфа пришли в движение, и генерал заговорил.

— Вы странно себя ведете, полковник, — сдержанно произнес он холодным тоном. — Насколько я понимаю, это объясняется тем, что вы не знакомы с правилами, принятыми у нас в армии. Подобные вещи обсуждаются без лишних свидетелей. У меня к вам неофициальное предложение. Если хотите, давайте поговорим о вашей поездке с глазу на глаз. Сейчас. Либо после обеда, после того, как вы все еще раз хорошенько обдумаете.

— Прошу прощения, — ответил Райдер; голос полковника был грустным, но при этом твердым. — Это ничего не изменит. Я прекрасно знаю, что делаю, сэр.

— Бог свидетель, надеюсь, что это действительно так.

— Да, это так, сэр. Итак, мне можно поехать?

— Можно, — отозвался Файф.

Судя по выражению лица, генерал хотел добавить: «Катись куда хочешь, а обратно можешь не возвращаться», однако сдержался, поскольку был офицером и джентльменом, ну а кроме того, разговор велся в присутствии свидетелей.

Должен признать, генерал прекрасно владел собой. Он встал, отпустил Тинкхэма и Лоусона, и они вышли из кабинета. Затем он предложил Джону Беллу Шаттаку пообедать с ним, и политик

с признательностью принял приглашение. Затем Файф повернулся к Вулфу и выразил надежду, что тот присоединится к ним, однако Вулф, поблагодарив, отказался, соврав, что ему надо успеть на важную встречу. Вулф без особого восторга относился к ресторанам, а тот, в который собирался Файф, и вовсе терпеть не мог, утверждая, что там в баранину с карри добавляют серу. Файф и Шаттак вышли из кабинета, так больше и не перемолвившись ни единым словом с Райдером.

Вулф подошел к столу Райдера и, нахмурившись, опустил на полковника взгляд, дожидаясь, когда тот поднимет голову.

— Я считаю, что вы тряпка, — сообщил ему Вулф. — Это лично моя точка зрения.

— Не забудьте об этом упомянуть, если вдруг решите написать для меня рекомендательное письмо, — откликнулся Райдер.

— Непременно. Вы не желаете шевелить мозгами. У вас погиб сын. Убит один из ваших подчиненных, капитан Кросс. Сейчас вы не в состоянии принимать серьезные решения. Если у вас есть умный друг, у которого варит котелок, обратитесь к нему за советом. Либо посоветуйтесь с адвокатом. А можете — прямо со мной.

— С вами? — удивился Райдер. — Прекрасная

мысль! Просто замечательная!

Вулф едва заметно, на четверть дюйма, приподнял плечи, после чего снова ссутулился, бросил мне: «Пошли, Арчи» — и направился к двери. Я снова поставил чемоданчик на стул и последовал за Вулфом. Когда мы проходили приемную, сержант Брюс подняла на нас взгляд. Вулф не обратил на нее внимания. Я остановился у ее стола и пожаловался:

— Мне что-то в глаз попало.

— Это плохо, — сказала она и встала. — В какой именно глаз? Дайте взглянуть.

«Господи боже, где же ее носило все эти годы! — подумалось мне. — Как можно попасться на такую бородатую хохму?» Наклонившись, я уставился в ее глаза, а она в мои. Наши лица разделяло не больше десяти дюймов.

— Вижу, — произнесла она.

— Правда? И что там?

— Не что, а кто. Я. В обоих глазах. И достать меня оттуда никак нельзя.

Она села и с абсолютно невозмутимым видом снова начала печатать. Это же надо было мне настолько ее недооценить!

— Ладно, один — ноль в вашу пользу, — признал я свое поражение и поспешил за Вулфом,

который уже стоял у лифта.

У меня в голове крутилось около дюжины самых разных вопросов, которые мне хотелось озвучить Вулфу, и я надеялся получить ответы хотя бы на часть из них. Увы, мне так и не подвернулась возможность их задать. Когда? По дороге домой, когда я был за рулем, а он сидел на заднем сиденье? Нет. Не вариант. Вулф терпеть не мог поездок на автомобиле и потому в пути был не расположен к разговорам. Оказавшись дома, Вулф сразу направился на кухню, чтобы помочь Фрицу приготовить ланч. Они как раз собирались устроить очередной кулинарный эксперимент: пожарить баклажан на курином жире. За столом беседы о делах являлись табу, и потому мне пришлось выслушивать пространные рассуждения Вулфа о том, почему частая игра в шахматы может погубить любого боевого генерала. Затем, в силу того что Вулф пропустил утреннее свидание со своими ненаглядными орхидеями, он поспешил наверх, в оранжерею, а там, как я прекрасно знал, его нельзя было тревожить. Я спросил, можно ли мне вернуться на Дункан-стрит, и получил отказ. Вулф сказал, что я могу ему понадобиться. Поскольку в первую очередь мне было приказано нянчиться с Вулфом, я не стал с ним спорить и

отправился в кабинет на первом этаже, сделал кое-какие мелкие дела и послушал радио.

В двадцать пять минут четвертого раздался телефонный звонок. Это был генерал Файф. В официальной манере, по-военному, как старший по званию, он приказал мне к четырем часам доставить Ниро Вулфа к нему в кабинет. Я сказал, что не получится, а генерал потребовал от меня сделать так, чтобы получилось, и бросил трубку.

Мне пришлось перезвонить генералу.

— Послушайте, сэр, вам нужно, чтобы Вулф с вами сотрудничал или нет? Со всем к вам уважением мне бы хотелось напомнить, что никакая сила на земле, за исключением вас или, по крайней мере, полковника, не заставит его изменить свои планы. Поэтому вы должны сами поговорить с ним и объяснить, что именно вам от него нужно.

— Черт его подери! Соедините меня с ним.

Я позвонил в оранжерею и обрисовал ситуацию Вулфу. В ответ он велел мне не вешать трубку и слушать их разговор с генералом. Так я и сделал. Ничего нового я не узнал. Файф всего-навсего заявил, что должен незамедлительно провести совещание со мной, Вулфом, Тинкхэмом и Лоусоном. Наконец Вулф согласился приехать. Когда он

через десять минут спустился и мы направились к машине, я сказал:

— Хочу обратить ваше внимание на одну деталь — вдруг вы ее не заметили. Вы ошибаетесь, если решили, что Райдер решил поехать в Вашингтон на встречу с Карпентером, потому что услышал в ходе утренней встречи нечто экстраординарное. Когда мы вошли в кабинет, его чемодан уже был собран и стоял на стуле.

— Я обратил на это внимание. Дьявол забери этих чертовых немцев! Заведешь машину, трогайся плавно и без рывков. И прибереги свои остроты для другого раза. Я сейчас не в настроении.

Без пяти четыре мы уже стояли в вестибюле дома номер 17 по Дункан-стрит, то есть у нас еще имелось несколько минут. Рассеянно, по привычке я бросил лифтеру: «Нам на десятый» — и отвлекся от раздумий, только когда двери раскрылись на десятом этаже. Я совсем забыл, что кабинет Файфа расположен на одиннадцатом. Вулф уже успел завести свою дежурную шарманку, выясняя отношения с капралом на посту.

— Прошу прощения, мы ошиблись, — сказал я. — Нам надо… — Я так и не закончил фразу.

Все случилось в одно мгновение. Звук был

негромким, оглушающим его точно назвать язык не поворачивался. Однако было в нем нечто такое, что пробирало до печенки. А может, дело было не в звуке, может, дрогнуло само здание. И хотя потом все утверждали, что ощутили толчок, лично я в этом сомневаюсь. Может, что-то случилось с воздухом. Одним словом, на какое-то короткое мгновение у меня внутри все замерло. Судя по лицу капрала, он испытал схожие ощущения. Мы с ним начали оглядываться по сторонам. Тем временем Вулф уже рванул к двери, ведущей к коридору.

— Эта та самая штуковина! — рявкнул он мне на ходу. — Я же говорил тебе!

Одним скачком я нагнал Вулфа у двери и, когда мы вошли, прикрыл ее за собой. Из многочисленных дверей в коридор уже начали выглядывать люди. Большинство из них были в форме. Некоторые направились в дальний конец коридора, пара человек вообще припустила туда бегом. Где-то впереди звучали голоса, а на нас надвигалась туча дыма и пыли, источавшая резкий кислый запах. Мы шагнули прямо в эту тучу и, дойдя до конца коридора, свернули направо.

Кругом царил немыслимый хаос. Картина напоминала размытое фото из газеты с подписью:

«Наши войска захватывают вражескую пулеметную точку в сицилийской деревне». Обломки, куски штукатурки, дверь, повисшая на одной петле, почти полностью обвалившаяся стена и мрачные люди в форме. Там, где когда-то был дверной проем, стоял полковник Тинкхэм. Когда два человека попытались, отстранив его, проникнуть в комнату, еще утром служившую кабинетом Райдеру, он преградил им путь и проревел:

— А ну отошли! Отошли в тот угол!

Они отошли шагов на пять назад, а потом налетели на меня с Вулфом. Остальные были позади нас или толпились рядом.

— Генерал Файф! — донесся откуда-то сзади голос, неожиданно перекрывший сутолоку и шум.

Толпа расступилась, освобождая проход, и мгновение спустя показался Файф. При виде генерала Тинкхэм освободил дверной проем, и из-за его спины показался лейтенант Лоусон. Они оба отдали честь. Понимаю, вы можете подумать, что в тот момент это было глупо, но нам тогда так не показалось.

— Ну что там, внутри? — спросил Файф, козырнув в ответ.

— Полковник Райдер, сэр, — ответил Лоусон.

— Он мертв?

— Господи боже, конечно да! Его разорвало.

— Кто-нибудь еще пострадал?

— Никак нет, сэр. Больше мы никого не нашли. Никаких следов.

— Я сам взгляну. Тинкхэм, отчистить коридор. Всем вернуться на свои места. Никому никуда не отлучаться.

— Чертова пыль! — громыхнул мне в ухо Вулф. — А запах… Пойдем отсюда, Арчи.

В первый и последний раз я увидел, как Вулф охотно поднимается по лестнице. Он не знал, какой приказ только что получил капрал, дежуривший на посту у лифта, и потому, видимо, решил не рисковать и не тратить лишнего времени на выяснение с ним отношений. Я следовал за ним по пятам. Миновав приемную, Вулф направился в кабинет генерала Файфа, сразу же нацелившись на большое кожаное кресло, стоявшее спинкой к окну. Опустившись в него и устроившись поудобнее, он велел:

— Позвони… в этот… ну, ты знаешь… Короче, звони куда хочешь и вели доставить пива.

Глава 3

Наш старый друг и враг инспектор Кремер из убойного отдела вздернул вверх зажатую в уголке рта сигару и в очередной раз пробежал взглядом листок бумаги, который держал в руке. Текст на этом листке я собственноручно отпечатал под диктовку генерала Файфа. Сказано в нем было следующее:

> Полковник армии США Харолд Райдер погиб сегодня в четыре часа дня в результате несчастного случая – детонации гранаты в его кабинете в доме № 17 по Дункан-стрит. Причины, приведшие к детонации, все еще выясняются. Взорвавшаяся граната относится к новому типу, обладает повышенной мощностью и еще не поступила на вооружение. Граната находилась у полковника Райдера на законных основаниях, в рамках выполнения его служебных обязанностей. Полковник Райдер был приписан к нью-йоркскому подразделению военной разведки под командованием бригадного

генерала Мортимера Файфа.

— Даже если все было и так, данной бумаги совершенно недостаточно! — прорычал Кремер.

Вулф по-прежнему сидел в большом кожаном кресле у окна, но только теперь на подоконнике за ним стояли три пустые пивные бутылки. Файф устроился за своим столом. Что же касается меня, то, передав бумагу Кремеру, я расслабленно прислонился к стене.

— Ну напишите еще что-нибудь. Все, что угодно. На ваше усмотрение, — без всякого энтузиазма предложил генерал Файф. Выглядел он усталым.

— Конечно. — Кремер извлек сигару изо рта. — И что прикажете написать? — поинтересовался он, помахав рукой с зажатой в ней сигарой. — Слушайте, вы человек военный. Я служу в полиции. Я занимаюсь расследованиями странных, подозрительных смертей, и за это власти города Нью-Йорка платят мне зарплату. Таким образом, мне нужны факты. Например, откуда взялась эта граната и каким образом она оказалась у погибшего в ящике стола? Каким образом детонация произошла случайно? Это с какой же небрежностью надо было с ней обращаться? Кстати, вы позволите взглянуть на гранату этого типа?

Только не надо ссылаться на режим секретности. Говорят, меньше знаешь — крепче спишь. Так это не про меня.

— Я разрешаю привести сюда следственную группу и провести осмотр.

— Чертовски мило с вашей стороны! — Кремер был явно раздосадован. — Это здание в городской собственности. Более того, оно располагается на территории моего округа. И вы еще чего-то мне разрешаете! — Он помахал в воздухе листком бумаги. — Слушайте, генерал, мы с вами оба прекрасно знаем, как делаются дела. Если бы это был обычный несчастный случай, без всякой подоплеки, я бы, не пикнув, закрыл на него глаза. Однако я знаю, что на Райдера работал капитан Кросс, а Кросса убили. И вот теперь, когда у вас в здании происходит взрыв, здесь оказывается Ниро Вулф. Захожу к вам в кабинет и первым делом вижу его. Я знаю Вулфа где-то уже двадцать лет, и вот что я вам скажу. Покажите мне труп — труп человека, скончавшегося при самых заурядных обстоятельствах, — со свидетельством, подписанным хоть всеми докторами Нью-Йорка, включая главврача, о том, что смерть наступила от естественных причин. Но если вы покажете мне где-нибудь поблизости Ниро Вулфа, прояв-

ляющего хотя бы малейший интерес к смерти погибшего, я немедленно поставлю на уши следственную группу.

— Вздор! — Вулф почти полностью открыл глаза. — Разве я когда-нибудь ставил вам палки в колеса, мистер Кремер?

— Что?! — вытаращился на него инспектор. — Вы только этим и занимаетесь!

— Вздор! Впрочем, не будем об этом спорить. В данный момент я вам нисколько не мешаю. Вы напрасно тратите время. Вы прекрасно понимаете, что против армии не попрешь, а против армейской разведки — и подавно. — Вулф вздохнул. — Окажу вам услугу. Полагаю, кавардак внизу еще никто не трогал. Сейчас я спущусь и все там осмотрю. Я оценю ситуацию, опираясь в том числе и на сведения, доступ к которым вы, вероятнее всего, никогда не получите. Завтра я позвоню вам и выскажу свое мнение. Как вам мое предложение?

— А мне чем в это время заняться? — с настойчивостью в голосе спросил Кремер.

— А вы тем временем уведите своих подчиненных и держитесь отсюда подальше. Помните: я с вами поделился своим мнением касательно капитана Кросса. Так вот, напоминаю вам о нем.

Кремер сунул сигару в рот, впился в нее зубами, сложил листок, убрал его в карман, откинулся на спинку кресла и заложил большие пальцы рук в проймы жилетки с таким видом, будто не собирался никуда уходить. Он вперил сверкающие глаза в Вулфа и, вдруг резко подавшись вперед, прорычал:

— Жду вашего звонка сегодня вечером.

— Нет! — Вулф и не думал уступать. — Я позвоню вам завтра.

Кремер еще секунды три разглядывал его, а затем встал и обратился к генералу Файфу:

— Я не имею ничего против армии. Я про ту армию, что в окопах. Без нее мы не смогли бы воевать. И потому меня вполне устроило, если бы в один прекрасный день всех ваших людей в форме, которые крутятся в моем округе, посадили бы на корабли и отправили на фронт. — С этими словами он развернулся и вышел.

Вулф снова вздохнул.

Файф поджал губы и покачал головой:

— Вам не в чем его упрекнуть.

— Это точно, — согласился Вулф. — Мистер Кремер постоянно пытается схватить зло за глотку, а в итоге вцепляется ему в кончик хвоста и держится мертвой хваткой, а то вдруг стряхнут!

— Что? — Файф, прищурившись, посмотрел на Вулфа. — Ах вот вы о чем! Что ж, я так и думал. — Он достал платок, вытер им лицо и шею, но тут же снова взмок. Кинув на меня взгляд, он снова посмотрел на Вулфа. — Так вот, по поводу Райдера я предпочел бы поговорить с вами наедине.

— Я отказываюсь разговаривать без майора Гудвина, — покачал головой Вулф. — Я пользуюсь его памятью. Кроме того, вот уже долгие годы его присутствие играет роль раздражающего фактора, стимулирующего работу клеток моего мозга. Так что там насчет Райдера? Считаете, это был несчастный случай?

— Считаю, что да. Ваше мнение?

— Пока я об этом не думал. Не за что зацепиться. Зададимся вопросом: а могло ли это действительно быть несчастным случаем? Представим, что он вынул гранату из ящика и уронил на пол. Подобное могло привести к взрыву?

— Нет! — отрезал Файф. — Совершенно исключено. Детонация произошла над столом. Взрыв вдавил столешницу вниз. Кроме того, чека специальной конструкции. Так просто она слететь не может. Чтобы ее извлечь, надо резко и при этом сильно дернуть ее в сторону.

— Значит, несчастный случай можно исклю-

чить, — спокойно кивнул Вулф. — Остается суицид, а также… Кстати, а что случилось с девушкой в приемной? Ну, этой… в форме… Где она была в момент взрыва?

— Ее не было на месте. Она ушла на ланч.

— Да неужели? — изогнул брови Вулф. — В четыре-то часа дня?

— Так она сказала Тинкхэму. Когда она вернулась, он с ней переговорил. Сейчас она ждет за дверью. Я послал за ней.

— Пусть зайдет. Вы позволите…

— Разумеется. — Файф снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мгновение спустя дверь отворилась, и в кабинет вошла сержант Брюс. Сделав три шага, она остановилась, окинула присутствующих взглядом, замерла по стойке смирно и отдала честь. Выглядела она совсем как обычно, разве что очень торжественно. Файф велел ей подойти поближе, что она и сделала.

— Это Ниро Вулф, — представил моего шефа генерал. — Сейчас он задаст вам несколько вопросов. Отвечать так, словно они исходят от меня.

— Есть, сэр!

— Сядьте! — велел Вулф. — Арчи, ты не пододвинешь даме вон тот стул? Вы уж простите,

генерал, если я нарушаю устав и заставляю майора прислуживать сержанту, однако я считаю, что армейская служба не для женщин, и никто не переубедит меня в обратном. — Он посмотрел на нее. — Мисс Брюс? Вас ведь зовут именно так?

— Да, сэр. Дороти Брюс.

— Когда прогремел взрыв, вы были на обеде?

— Да, сэр. — Ее голос звучал спокойно и ровно, совсем как утром, когда она сказала, что видит в моих глазах себя.

— Вы всегда обедаете в это время? В четыре часа?

— Нет, сэр. Мне пояснить?

— Сделайте одолжение. И поменьше «сэров». Я не фельдмаршал в гражданском. Начинайте.

— Слушаюсь, сэр. Простите, это я автоматически. У меня нет фиксированного обеденного перерыва. По просьбе, то есть я хочу сказать, по приказу полковника Райдера я уходила на обед тогда же, когда шел обедать и он, чтобы всегда быть в приемной, когда он находится в кабинете. Сегодня он не ходил обедать, точнее, я так думаю. По крайней мере, он не выходил в приемную и не предупреждал о том, что уходит, ведь обычно он поступал именно так. Без четверти четыре он вызвал меня к себе, чтобы дать кое-какие пору-

чения, а заодно спросил, обедала ли я, поскольку сам он совсем забыл о еде, и тут же отправил меня перекусить. Я пошла в магазинчик на углу и взяла себе сэндвич с кофе. Вернулась я в двадцать минут пятого.

Все это время Вулф не сводил с лица девушки полуприкрытых глаз.

— В магазинчик на углу? — мягко переспросил он. — Вы не слышали взрыва? Не обратили внимания на суматоху?

— Нет, сэр. Магазинчик в полутора кварталах отсюда, на Митчелл-стрит.

— Говорите, полковник Райдер сегодня не обедал? То есть все время вплоть до без четверти четыре он просидел у себя в кабинете?

— Мне кажется, я вам уже объяснила. Я сказала, что он не проходил через приемную. Разумеется, он мог выйти из кабинета через другую дверь, ведущую прямо в коридор, и тем же путем вернуться обратно. Он достаточно часто так делал.

— Ту дверь он держал запертой?

— Обычно да. Если позволите, я отвечу на этот вопрос более подробно.

— Нам нужна информация, мисс Брюс. Если вы что-то знаете, поделитесь этой информацией с нами.

— Я насчет второй двери. Разумеется, у полковника Райдера был ключ. Однако два раза я видела, что когда он выходил, планируя скоро вернуться, то нажимал на кнопку, блокировавшую замок. Таким образом, дверь оставалась незапертой, и когда он возвращался, то мог сразу ее открыть и не возиться с ключом. Если вам нужны такие подробности…

— Нужны. Вы ими располагаете?

— Нет, сэр. Я упомянула об этом только потому, что вы спросили, держал ли полковник Райдер дверь запертой.

— Что, по-вашему, стало причиной взрыва?

— А почему… — Она моргнула. — Я думала… Насколько я понимаю, это была граната, которую полковник Райдер держал в столе.

— Откуда вы знаете, что это была граната? — выпалил вопрос Файф.

— Так все говорят, сэр, — повернулась девушка к генералу. — Если это было секретом, то… теперь это уже не секрет.

— Разумеется, — раздраженно буркнул Вулф. — Господин генерал, я бы вас попросил… Скажите, мисс Брюс, вы знаете, что именно привело к детонации гранаты?

— Конечно нет! Я хотела сказать, нет, сэр.

— «Конечно нет» меня тоже вполне устроит, — проворковал Вулф. — То есть вы ничего не знаете о причинах взрыва.

— Нет, сэр.

— Какие именно поручения дал вам полковник Райдер, когда вызвал к себе без четверти четыре?

— Самые обычные. Сказал, что ему надо уехать на день, велел подписать письма, объяснил, что завтра его не будет и потому мне надо отменить все его завтрашние встречи.

— И это все?

— Да, сэр.

— Вы были его личным секретарем?

— Ну… даже не знаю, насколько личным. Я проработала у него меньше двух недель. Раньше мы с ним не были знакомы… Пожалуй, он еще только думал, стоит ли мне доверять работу личного секретаря. Меня прислали из Вашингтона всего десять дней назад.

— Чем вы занимались в Вашингтоне?

— Работала секретаршей у одного из помощников генерала Карпентера. У подполковника Адамса.

Вулф заворчал и смежил веки. Сержант Брюс замерла в ожидании. Файф поджал губы. Теперь

они образовывали прямую линию, прямее, чем обычно. Файф явно пытался сдержаться. С одной стороны, он не привык сидеть и держать язык за зубами, слушая, как кто-то другой ведет допрос, а с другой — генерал, похоже, не забыл, как Вулф однажды выставил его дураком при рядовом и трех лейтенантах, приставленных к одному почетному гостю из Мексики. Вулф снова заворчал. Этот тип ворчания я относил к третьей категории, и подобная разновидность означала, что Вулф недоволен. Что именно его рассердило на этот раз, я не знал. Сержант Брюс вела себя вежливо, мило и охотно шла на контакт. Затем он открыл глаза, перенес центр тяжести вперед и взялся руками за подлокотники. Теперь все встало на свои места. Вулф был недоволен тем фактом, что ему сейчас предстояло встать.

— На данный момент, мисс Брюс, пока все, — поднявшись, громыхнул Вулф. — Разумеется, нам с вами не составит труда связаться. Как вы сами слышали, генерал, я обещал мистеру Кремеру лично осмотреть руины. Пошли, Арчи.

Он сделал было шаг, но тут Файф его остановил:

— Одну минуточку. Да, Брюс, все в порядке, вы можете идти.

Она встала и, замявшись на мгновение, обратилась к генералу:

— Разрешите обратиться, сэр?

— Да. Что там у вас?

— Сэр, мне не разрешают ничего забирать из приемной. Дело в том, что там есть кое-какие мои личные вещи. Я уезжала на выходные и сегодня утром прямо с вокзала отправилась сюда. Полковник Райдер выписал мне разрешение, только… Похоже, оно теперь недействительно.

— Ладно, забирайте свои вещи! — Судя по тону, Файф уже был по горло сыт происходящим. — Я распоряжусь, чтобы полковник Тинкхэм… Кстати… — он искоса на нее посмотрел, — вы остались без рабочего места. Да и, по сути дела, без работы. Временно. Вы вроде девушка умная и толковая. Так?

— Так точно, сэр.

— Еще бы, черт подери! Ладно, посмотрим. Завтра утром жду вас у себя в приемной. Если у вас есть любимые инструменты, без которых вы не можете работать, прихватите их с собой. Лучше вам забрать их прямо сейчас. К вечеру с места происшествия все уже вынесут. Передайте полковнику Тинкхэму… Впрочем, ладно, я сам ему все передам. Можете идти.

Она козырнула, развернулась и, чеканя шаг, вышла.

Дождавшись, когда за ней закроется дверь, Файф повернулся к Вулфу:

— Вы, кажется, что-то хотели сказать. До того, как зашла Брюс.

— Ерунда. Ничего существенного, — коротко ответил Вулф, поскольку стоя он иначе не разговаривал. — Несчастный случай исключен. Возможно, суицид. Убийство? Похоже, если Райдер в какой-то момент вышел прямо в коридор и оставил дверь незапертой, во время его отсутствия в кабинет мог незамеченным проникнуть буквально кто угодно.

— Проникнуть? Хорошо, допустим. И что дальше?

— Да что угодно. Взять из стола гранату. Забрать ее с собой. Дождаться, когда мисс Брюс уйдет, пройти через приемную, открыть дверь в кабинет Райдера, выдернуть чеку, бросить в него гранату и быстренько выскочить в коридор. Если все было так, мы оказываемся в интересной ситуации. По всей вероятности, о местонахождении гранаты знали только шесть человек: Тинкхэм, Лоусон, Шаттак, вы и я с Гудвином. Насколько мне известно, в данный момент алиби есть у

нас с Гудвином. Про остальных мне ничего не известно. Возьмем, к примеру, вас. Где вы были весь день? Здесь?

Файф растянул губы в мрачной улыбке:

— Правильный подход. Всегда надо начинать с начальства. Да, я просидел в кабинете весь день… Увы, боюсь, свидетелей, способных это подтвердить, у меня нет. Мы пришли сюда вместе с Шаттаком после обеда, но он ушел примерно в половине третьего. Затем я диктовал кое-что минут тридцать. А вот дальше… Дальше у меня алиби нет. Я в ваших руках.

— Да перестаньте! — буркнул Вулф. — Пока все это без толку. Схожу-ка я лучше вниз и осмотрюсь.

Он вышел, гордо ступая. Я проследовал за ним. Когда я закрывал за собой дверь — мягко, осторожно, поскольку все же покидал кабинет генерала, до меня донесся голос Файфа, требовавшего позвать к телефону полковника Тинкхэма.

На десятом этаже, непосредственно перед местом трагедии, нас с Вулфом остановили. Там, где некогда находилась дверь из кабинета Райдера в коридор, стоял капрал в полной выкладке. Тот факт, что и без выкладки он весил больше двухсот фунтов, послужил весьма серьезным аргументом,

когда капрал заявил, что вход строго воспрещен, в том числе и нам. Вулф велел мне сходить наверх и позвать к нему генерала Файфа, но я принялся топтаться на месте. Как я и ожидал, через минуту объявился полковник Тинкхэм, который сказал капралу, что все в порядке и Файф приказал нас пропустить. Присоединившись к нам, Тинкхэм первый шагнул в разрушенный кабинет.

— Отсюда что-нибудь выносили? — спросил Вулф.

Ответ был отрицательным. Тинкхэм пояснил, что полиции дали возможность все тщательно осмотреть, но при этом категорически запретили что-либо трогать. Этот запрет касался не только полиции, но и всех остальных.

В кабинете было по-прежнему светло, а из окон, лишившихся стекол, дул освежающий ветерок. Когда мы оглядели комнату, аккуратно переступая через груды обломков штукатурки и прочего мусора, в глаза бросилось немало занятных деталей. Взрыв практически полностью разнес стену, отделявшую комнату от коридора, однако оставил лишь несколько трещин на стене между кабинетом и приемной. Дверь в приемную уцелела: она была распахнута настежь и немного покосилась. Два стула превратились в

груду щеп, четыре были изломаны и поцарапаны, а вот кресло Райдера у стены за его столом совершенно не пострадало. Столешница была вдавлена разрывом и вся изъязвлена, словно кто-то уронил на нее двухтонную гирю, а потом разрядил в нее же заряд картечи из дробовика. Повсюду виднелись пятна крови самых разных размеров: где-то это были капли, а где-то, например за столом на полу, уже целая лужа. Остатки чемодана и его содержимого были разбросаны по всему кабинету, вплоть до двери в приемную, причем сам чемодан оказался настолько исковеркан, что я не сразу узнал его. Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись самые разные кусочки металла: от крохотных, с булавочную головку, до размера с ноготь большого пальца. С одной стороны они были черными, с другой — розовыми. Любой человек, находившийся в этой комнате во время взрыва, вне зависимости от своего местоположения, неизбежно словил бы не меньше дюжины таких металлических осколков. Парочку я незаметно сунул себе в карман, решив добавить к своей коллекции, которую хранил дома в ящике комода.

Мне удалось добыть еще один памятный сувенир. В тот самый момент, когда Вулф и Тинкхэм

отошли в дальний угол кабинета, я заметил знакомый клочок сложенной бумаги, белевший среди лежавшего вперемешку содержимого чемодана. Наклонившись, я с первого взгляда понял, что это полученное Шаттаком анонимное письмо, из-за которого мы собирались здесь сегодня утром. Как только до меня это дошло, я незаметно сунул его себе в нагрудный карман.

Так мы некоторое время и ходили, с Тинкхэмом в роли дуэньи, оглядываясь по сторонам и обмениваясь мнениями, как вдруг я услышал, что в соседнюю комнату кто-то вошел. Переступив через кучу мусора, я вышел в приемную. Там стояла сержант Брюс и хмуро разглядывала теннисную ракетку, которую сжимала в руках.

— Сломалась? — бодрым голосом поинтересовался я.

— Никак нет, сэр.

«Как же она надоела со своими „сэрами“! — подумал я. — Если бы она заковала себя в доспехи с ног до головы, и то было бы проще». Она сунула ракетку в раскрытую коробку, стоявшую на полу, и направилась к своему рабочему месту за столом. В приемной царил беспорядок, все было покрыто слоем пыли, однако особых разрушений я не заметил.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Спасибо, сэр. Никак нет.

«В один прекрасный день, — мрачно сказал я себе, вернее, сказал ей, но не вслух, — я устрою так, что ты напрочь забудешь о том, чтобы называть меня „сэр“. И плевать, стоишь ты моих усилий или нет».

— Арчи! — проревел Вулф сзади.

— Вольно, — угрюмо бросил ей я и снова направился в кабинет.

Вулф и Тинкхэм стояли на противоположном конце комнаты, там, где застыл на часах капрал.

— Поехали домой! — велел Вулф.

Когда он отдавал подобное распоряжение, его следовало исполнять немедленно и без лишних слов. Судя по выражению лица Тинкхэма, у меня создалось впечатление, что либо полковник хочет задать кое-какие вопросы, либо он их уже задал, но вместо ответа Вулф попросил его передать генералу Файфу, что свяжется с ним утром.

На тротуаре перед зданием собралась толпа. Еще одна толпа, побольше, сгрудилась на противоположной стороне улицы. Усеивавшее тротуар стекло, выбитое взрывом на десятом этаже, к этому времени успели убрать. Когда мы пробивались через толпу к припаркованной машине, я услы-

шал, как один мужчина поделился с девушкой:

— Жуткий взрыв был! Просто жуткий! Убило восемьдесят человек и двух генералов.

«Как интересно!» — подумал я. Впрочем, по дороге домой случилось нечто куда более удивительное.

— Езжай чуть быстрее, Арчи, — велел Вулф с заднего сиденья.

И это потрясло меня до глубины души. Как я уже упоминал, Вулф никогда не разговаривал в машине, а его просьба ехать быстрее была вообще делом неслыханным. Для меня это было сродни рядовому, требующему внеочередного наряда на кухню. Я молча подчинился.

Когда мы остановились у крыльца нашего дома, Вулф что-то пробубнил себе под нос. Возможно, это была благодарственная молитва. Я поерзал на сиденье, собираясь вылезти из машины, но тут Вулф остановил меня:

— Оставайся на месте. Тебе придется кое-куда съездить.

— Да неужели?

— Именно так. Возвращайся обратно. Генерал Файф сказал, что уже сегодня вечером в кабинете начнут прибираться. Они могут приступить к делу в любой момент, а мне нужен тот чемодан.

Добудь его и доставь сюда. На всякий случай. Содержимое можешь оставить. Привези его как есть. Не складывай его, не сгибай, вообще ничего с ним не делай.

Я обернулся, чтобы свирепо на него посмотреть. Вулф уже открыл дверь и выбирался наружу.

— Хотите сказать, вам нужен чемодан Райдера? — с напором спросил я.

— Нужен, — бросил Вулф, оказавшись на тротуаре. — Чемодан важен. Кроме того, важно, причем вдвойне, чтобы никто не видел, как ты его забираешь. Особенно это касается лейтенанта Лоусона, полковника Тинкхэма, генерала Файфа и мисс Брюс. В идеале же если тебя вообще никто не заметит.

Я редко срываюсь, но тут не выдержал:

— Утащить чемодан? Прямо у них из-под носа? Слушайте, а может, вам луну с неба достать? Буду только рад. Вы хоть понимаете…

— Конечно понимаю. Задание сложное. И я сомневаюсь, что смогу доверить его кому-нибудь другому, кроме тебя.

Вот он как заговорил! Да, похоже, ему действительно позарез был нужен этот чемодан.

— Вот черт! — ругнулся я и, выкарабкавшись наружу, направился к крыльцу.

— Ты куда собрался? — рявкнул Вулф.

— Прихватить с собой чего-нибудь такое, куда я смогу спрятать чемодан, — бросил я через плечо. — Или вы хотите, чтобы я повесил его себе на шею?

Через три минуты я уже ехал в сторону Дункан-стрит. Заднее сиденье на этот раз было занято не Вулфом, а гигантским баулом, способным вместить в себя человека. Этот баул я отыскал в шкафу в комнате Вулфа. По большому счету у меня имелся точно такой же, однако я не собирался рисковать личной собственностью — хватало и того, что я ставил на карту свою карьеру в армии. Жалко, что я так невнимательно читал устав военно-полевого суда. Только не думайте, будто всю дорогу я провел в печали и сожалении. Я размышлял о плане. Часы показывали половину седьмого. Поскольку я уже бывал в карауле, то понимал: предсказать, кто именно сейчас находится в здании, совершенно невозможно. Там мог оказаться буквально кто угодно: чины, находившиеся на службе, постоянно с четырех часов вечера и вплоть до полуночи то уходили с рабочих мест, то возвращались. В итоге я придумал три-четыре разных плана, однако, остановив машину на Дункан-стрит, решил все же не то-

ропить события: как можно начинать военную кампанию без предварительной разведки? Сначала нужно осмотреться.

Поднявшись на десятый этаж, я увидел капрала, который отдал мне честь. Я козырнул в ответ, всем своим видом показав, что баул в моей руке слегка тяжеловат. Чтобы капрал осознал всю срочность моего дела, я придал лицу обеспокоенное выражение и поинтересовался, где лейтенант Лоусон.

— Он ушел, сэр. Минут двадцать назад.

— Черт! А полковник Тинкхэм?

— Он еще здесь. Кажется, у себя в кабинете.

— Генерала Файфа поблизости не видели?

— Последний раз я видел его около часа назад, сэр. Возможно, он у себя наверху.

Я как ветер пронесся по коридору. Никого. Обычно, чтобы добраться до двери своего кабинета, мне требовалось проделать двадцать шагов. Сейчас я преодолел это расстояние за четырнадцать. Переступив порог, я прикрыл за собой дверь, перевел дыхание и поставил баул себе на стол. Вроде должно получиться… Сделаем так. Я иду к месту происшествия. Говорю капралу, что Ниро Вулф велел мне вернуться и дополнительно осмотреть некую деталь. Какую именно — еще

надо подумать. Вхожу, осматриваю стол Райдера с помощью своей маленькой лупы, недовольно крякаю, приказываю капралу сходить к майору Гудману и одолжить у него лупу побольше. Кабинет Гудмана на одиннадцатом этаже. Капрал уходит, я хватаю чемодан, сломя голову бегу к себе, прячу его в бауле Вулфа. Этот этап — пятисекундная пробежка по коридору — представляет наибольшую сложность. Все остальное — ерунда, плевое дело. Я поломал голову еще немного, повертел план и так и этак, раздумывая над тем, как еще снизить риск, но пришел к выводу, что это невозможно. Он и так минимальный.

Я вытащил маленькую лупу из ящика стола, сунул ее в карман, прошел по коридору, свернул за угол и увидел все того же капрала на часах. Кроме него, в коридоре никого не было. Я подошел к капралу и выпалил заранее заготовленную речь. Он без всяких возражений пропустил меня внутрь. Приблизившись к столу Райдера, я принялся его разглядывать сквозь увеличительное стекло. Мысли мои были совершенно о другом. Я успел заметить, пока шел к столу, что чемодан пропал.

Глава 4

Продолжая разглядывать стол, я твердил про себя: «Черт, черт, поиграй и отдай!»

Поскольку присказка не сработала, а ничего более толкового мне в голову не пришло, я выпрямился и приступил к тщательному осмотру. Насколько я мог судить, за исключением пропавшего чемодана, все было в точности так же, как и прежде. Я направился к капралу:

— После того как мы с полковником Тинкхэмом и Вулфом отсюда ушли в кабинет, кто-нибудь заходил?

— Никак нет, сэр. Впрочем… Виноват, так точно, заходил. Вскоре после вашего отбытия туда вернулся полковник Тинкхэм. Он был с генералом Файфом.

— Вот как, — небрежно произнес я. — Значит, стул, по-видимому, взяли они.

— Стул?

— Ну да. Вулф хотел, чтобы я осмотрел один из стульев, а он, похоже, пропал. Пойду-ка я взгляну…

— Виноват, сэр, но стул пропасть не мог. Отсюда

не выносили ни стула, ни чего-либо другого.

— Вы уверены? Даже генерал Файф и полковник Тинкхэм?

— Так точно, сэр. Никто ничего не выносил.

Я осклабился и посмотрел на него:

— Знаете, капрал, я, конечно, не Ниро Вулф. На моем месте он бы вам непременно порекомендовал говорить с такой уверенностью лишь о том, что вы знаете наверняка. Он всем дает подобный совет. Вы решительно заявляете, что никто из кабинета ничего не выносил. Однако, насколько я вижу, вы стоите лицом к коридору и спиной к кабинету. Стекол в окнах не осталось. Может, через разбитое окно в помещение проник парашютист-десантник, который вынес все, что ему было нужно?

Где-то на полсекунды лицо капрала приобрело озадаченное выражение, а потом еще полсекунды по его глазам можно было легко догадаться, что именно ему хочется мне ответить и что, возможно, он бы мне сказал, будь мы лицами гражданскими, а не капралом и майором.

— Так точно, сэр! — вот то единственное, что я услышал в ответ.

— Ладно, проехали и забыли, — махнул я рукой, сменив тон и разговаривая теперь просто как

мужчина с мужчиной. — Может, я и обсчитался со стульями. Со мной всегда так. До шести я считаю без проблем, а дальше начинаю путаться.

Я прошел по коридору, зашел к себе в кабинет, сел на край стола и попытался рассуждать логически. По сути, если капрал не врал и не страдал слепотой, дело мне представлялось ясным. Сложными задачками типа извлечения кубического корня из минус двух пусть занимается Ниро Вулф, но простые операции вроде сложения и вычитания доступны даже мне. Я придвинул телефон, связался с начальником отдела кадров капитаном Фостером и узнал у него домашний адрес сержанта Дороти Брюс.

Сперва Фостер заупрямился и даже начал мне дерзить, но как только я сказал, что запрос официальный, он тут же сбавил обороты. Известие о том, что она живет в Бронксе или Бруклине, оказалось бы для меня неприятной неожиданностью — мне страшно не хотелось тащиться в такую даль, потому что у меня не имелось ни доказательств, ни улик, подтверждающих мою правоту, — одни лишь логические рассуждения. Услышав, что Дороти проживает на Одиннадцатой улице, я вздохнул с облегчением. Это же по дороге домой! Я забрал баул, который, похоже,

только зря с собой притащил, спустился на лифте вниз, сел в машину и поехал прочь из центра города.

Одиннадцатая улица оказалась полностью застроенной старыми особняками из бурого песчаника, за исключением единственного современного дома, в котором и проживала сержант Брюс. Оставив баул в машине, я вошел внутрь, быстро, чеканным военным шагом пронесся мимо швейцара, повинуясь интуиции, свернул налево, приметил лифт и коротко бросил скучающей девушке-лифтерше: «Я — к Брюс», демонстрируя всем своим видом, что лишних вопросов не потерплю. Девушка зашла вслед за мной в кабину, нажала на кнопку, и лифт начал подниматься. Остановился он на седьмом этаже. Лифтерша открыла дверь и мелодичным голосом произнесла:

— Квартира семь-«ц».

Как оказалось, квартира располагалась второй справа по коридору. Я нажал на кнопку звонка, и после недолгого ожидания мне отворили. Хотя «отворили» — это громко сказано. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, поэтому я на всякий случай ненавязчиво сунул ногу в образовавшийся проем. Увидев меня, Дороти

удивленно ахнула. Не скажу, что это было приятное удивление.

— Майор Гудвин?

— Именно так, — жизнерадостным голосом ответил я. — У вас великолепная память на лица. Мне снова что-то попало в глаза.

— Мне очень жаль, сэр, — любезно отозвалась она, не выказывая ни малейшего желания открыть дверь пошире. — Как я уже говорила, ничем не могу вам помочь с этой бедой.

— При таком-то освещении? Ясное дело! А у вас тут мило. Это здесь все ваше или вы сняли уже с мебелью? Наверняка кое-что все-таки ваше. Ваш стиль.

— Благодарю вас, сэр. Сразу видно, что приложила руку женщина. Вы это хотели сказать?

— Да. Я никогда прежде не видел дверь столь пленительной красоты. Знаете что? Я мог бы сказать: «Сержант Брюс, я хотел бы к вам зайти и кое о чем поговорить». С тем же успехом я мог бы силой открыть дверь и войти. Предлагаю компромисс: вы открываете дверь, а я раскрываю вам цель своего визита.

Она готова была рассмеяться, но сдержалась и ограничилась лишь подобием усмешки. Несмотря на это, Дороти широко распахнула дверь и

достаточно любезно произнесла:

— Заходите, майор, — и закрыла дверь.

Прихожая размерами была примерно с чемодан. Увидев, что я остановился, девушка жестом пригласила меня в комнату — совсем не в ее стиле. Она оказалась самой обычной: такие сдаются с помесячной оплатой, ну а если готов поселиться надолго, хозяин делает скидку. Два окна. Диван и три стула. Дверь на кухоньку и дверь в спальню. Чтобы получить представление о жилье сержанта Брюс, мне хватило одного взгляда. Обернувшись, я обнаружил, что девушка стоит у меня за спиной и улыбается. Улыбалась она очень по-женски, и еще совсем недавно я счел бы ее улыбку большим прогрессом, однако, если логика меня не подвела и я все правильно понял, особых поводов для радости у меня не имелось. Несмотря на это, я старался вести себя с ней по-дружески.

— Помните ту коробку, в которую вы сегодня на работе складывали свои вещи? Мне как раз нужна такая коробка, причем именно тех размеров, что у вас. Если она вам больше не нужна, мне бы хотелось обратиться к вам с предложением.

Дороти была хороша. Очень хороша. С ее лица исчезла улыбка, губы чуть-чуть приоткрылись,

а глаза слегка расширились, словно я сморозил какую-то страшную глупость, какую-то невероятную чушь.

— Могу вам достать такую по оптовой цене.

— Вы допустили промашку, — покачал я головой. — Забыли сказать «сэр». Суть вот в чем: я чертовски хочу ощутить прилив счастья, а это произойдет только в том случае, если я увижу коробку. Так что тащите ее сюда живее, или же мне придется перейти к тщательному осмотру квартиры. Давайте вы избавите меня от лишних хлопот. Заодно сэкономим друг другу время.

— То есть это приказ, сэр? Вы здесь официально, как старший по званию, или как… как частное лицо?

— Да как вам самой приятнее. Хотите — как частное лицо, хотите — как старший по званию, хотите — и то и другое. Главное, принесите коробку.

Дороти тронулась с места. Чтобы добраться до двери спальни, ей было нужно меня обогнуть, что она и сделала, после чего скрылась там. Однако, решив, что с нее станется сесть на метлу и упорхнуть в окно, я на цыпочках подкрался к двери, чтобы держать ее в поле зрения. Либо я крался недостаточно тихо, либо Дороти была

от природы подозрительной, но, так или иначе, дойдя до середины спальни, она обернулась и увидела меня. Дороти решительно подошла к двери и взялась за ручку, явно собираясь закрыть ее, как только я уйду с порога.

— Вы можете подождать снаружи, — с напором произнесла она. — Я принесу коробку.

Происходящее нравилось мне все меньше. Кроме того, действие, на мой вкус, слишком затянулось. Мне представлялось очевидным, что Дороти направлялась к дверям гардеробной в дальнем углу комнаты. Я прошел мимо девушки, обогнул кровать, подошел к гардеробной и рывком открыл дверь. Признаться, картина поразила меня настолько, что от неожиданности я сделал два шага назад. Из гардеробной навстречу мне шагнул человек в военной форме. Это был лейтенант Кеннет Лоусон. Выбравшись наружу, он посмотрел на меня, не посчитав нужным отдать честь.

— Ну и ну, — произнес я.

Честно говоря, это было выражение Ниро Вулфа. Я использую его только в напряженные моменты и начинаю дико беситься, если ловлю себя на этом, поскольку когда гляжу в зеркало, то предпочитаю видеть себя таким, какой я есть, ни

на кого не пытающимся быть похожим — даже на Ниро Вулфа.

Я уже упоминал, что Лоусон был настоящим здоровяком — высоким, сильным и красивым. Ситуация складывалась так, что нельзя было исключать любого развития событий, а я не горел желанием вслед за Кроссом и Райдером отправляться на тот свет, а потому полез в гардеробную, дверь которой была распахнута настежь. Искать ничего не пришлось. Я сразу увидел перехваченную веревкой коробку. Я рывком вытащил ее наружу, сорвал веревку, открыл и вперился взглядом в изрешеченную шрапнелью свиную кожу чемодана. Один — ноль в пользу логики: она меня не подвела. Я закрыл коробку и снова перевязал ее веревкой. Вопросов у меня имелось в избытке. В частности, мне очень хотелось узнать, что в квартире Дороти делает Лоусон. Просто по личному делу? Или же он оказывал Дороти содействие в спасении поврежденного багажа? В любом случае ситуация была в высшей степени деликатной.

— Я слышал, Брюс поинтересовалась у вас… Ваш ответ кое-что прояснит… Так вот, майор, вы здесь официально?

Вот черт, какая незадача! Вулф велел мне до-

быть чемодан так, чтобы об этом не узнал Файф, а Файф был моим непосредственным начальником. Я влип по полной программе. Допустим, Лоусон — честный служака. Что он будет делать? Доложит Файфу? Хорошо, а если, допустим, он мошенник или убийца или и то и другое вместе? Может, он все равно кинется докладывать Файфу ради прикрытия? А что, если Лоусон и сержант Брюс… Впрочем, какой толк стоять у них на виду и весь вечер задавать себе вопросы, на которые у меня все равно нет ответа?

— Дамы и господа, — собравшись с мыслями, заговорил я, — как вам известно, я прикреплен к Ниро Вулфу для оказания ему помощи в работе, которую он делает для вооруженных сил. Сейчас я еду к нему на доклад, а эту коробку забираю с собой. Что же касается вас… Вы всего-навсего сержант, а вы лейтенант, а единственная разница между мной и генералом Эйзенхауэром заключается в том, что он в данный момент здесь отсутствует. Однако, если забыть о званиях, все мы просто люди. Если, когда я буду уходить, Лоусон попытается меня остановить или заехать мне стулом, я не стану ябедничать и писать жалобы — ни сейчас, ни потом. Я просто его вырублю — и дело с концом.

Лоусон ухмыльнулся краешком губ.

— Я не собирался махать кулаками, — холодно произнес он. — А теперь даже и не знаю…

— Ты уж реши как-нибудь, братец, — бросил я ему и вперил взгляд в сержанта Брюс. — У меня к вам предложение. Подчеркиваю, не приказ, исходящий от майора Гудвина, а просто предложение. Как насчет того, чтобы вместе отвезти коробку к Вулфу домой? У меня рядом с домом припаркована машина. Прогулка может пойти вам на пользу.

Если бы она кинула взгляд на Лоусона, то одним вопросом из той кучи, что имелась у меня, стало бы меньше. Однако, вместо того чтобы посмотреть на лейтенанта, Дороти наклонила голову и принялась меня разглядывать.

— Думаю, мне следует сказать вам, майор, что, весьма вероятно, вам придется об этом очень пожалеть.

— Я уже жалею о случившемся. Мне совершенно не нравится происходящее. Ну так вы едете?

— Конечно. Ведь и коробка, и ее содержимое принадлежат мне. — Она подошла к Лоусону и взяла его за руку. — Кен, милый, это сущая ерунда. Честно-честно. Однако боюсь… Я не знаю, когда вернусь. Я потом тебе позвоню. И пожалуй…

пожалуй, будет лучше, если ты прямо сейчас позвонишь в Вашингтон моей сестре.

— Я бы запросто скрутил его в бараний рог! — прорычал лейтенант.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. — Дороти погладила его по руке. — Но тебе лучше вести себя прилично. Есть много разных способов… вылечить простуду. Позвони мне потом. Ладно, Кен?

— Ладно. Позвоню.

— Будешь уходить, не забудь проверить, заперта ли дверь. Ну так мы едем, майор?

Когда я проходил мимо Лоусона, он стоял совершенно неподвижно — ни один мускул не дрогнул. Одной рукой я держал под мышкой коробку, она была как раз со стороны лейтенанта, а другую я намеренно оставил свободной на тот случай, если Лоусон решит показать девушке, какой он на самом деле крепкий и отважный. Однако ничего из рук вон выходящего не произошло. Либо главную партию играла Дороти, а он просто подчинялся ее приказам, либо ему хотелось остаться одному и все хорошенько обдумать. Я пропустил сержанта вперед, решив, что все-таки имею дело с дамой. Она остановилась лишь на мгновение — для того, чтобы взять со стола пилотку. Затем Дороти дозволила мне прикрыть за нами входную дверь и

вызвать лифт. Одним словом, она наслаждалась всеми мелкими преимуществами присутствия в мужском обществе.

Когда мы подошли к машине, я усадил Дороти на переднее сиденье, коробку кинул на заднее, а сам сел за руль и тронулся с места. Мы молчали. Я уже решил, что мы всю дорогу будем сидеть в тишине, как вдруг, когда я встал на красном на Двадцать третьей улице, Дороти заговорила:

— Хотелось бы знать, не окажете ли вы мне маленькую услугу.

— Сомневаюсь. А что нужно сделать? Позвонить вашей сестре в Вашингтон?

Она издала странный тихий звук: нечто среднее между смешком и каким-то бульканьем. Еще три часа назад я счел бы этот звук очаровательным.

— Нет, к чему такие сложности? Все гораздо проще. Не могли бы вы просто на минутку остановиться у тротуара? Где именно — совершенно не важно. Мне просто хочется кое о чем спросить вас.

Включился зеленый, и мы двинулись дальше. Где-то через квартал я заприметил уютное местечко. Припарковав там машину, я заглушил двигатель.

— Ну, спрашивайте меня кое о чем.

— Надеюсь, у вас с глазами стало лучше.

Тон ее голоса недвусмысленно дал понять, что сейчас она обращается ко мне не как сержант к майору. Этот тон заставлял забыть и о званиях, и о прочих надуманных барьерах между людьми. При этом ее голос вовсе не звучал так, словно она решила меня соблазнить прямо здесь, в машине, на запруженной транспортом Шестой авеню, он лишь говорил о том, что естественным и вполне ожидаемым развитием наших отношений должно стать большее взаимопонимание между нами.

— Гораздо лучше, — ответил я. — Это все, о чем вы хотели поговорить?

— Увы, к сожалению, нет. — Она повернулась лицом ко мне, и я последовал ее примеру. — Как бы я хотела, чтобы все ограничилось подобными маленькими приятными глупостями. Не считайте меня простодушной. Я достаточно умна. Достаточно для того, чтобы понимать, насколько умны вы. Если бы вы были дураком, я бы запросто вскружила вам голову, соблазнила бы вас прямо здесь, в машине, по дороге к Ниро Вулфу, однако я прекрасно понимаю, что подобные идиотские фокусы с вами не сработают, и поэтому не буду даже пытаться.

— Но при этом вы прекрасно умеете пускать в ход ваши губки и глазки. А ваш голос… Кстати, вы как раз собирались им воспользоваться, чтобы кое о чем меня спросить.

— Скажите, — кивнув, произнесла она, — зачем Ниро Вулфу понадобилась моя коробка? Просто для того, чтобы посмотреть, не прихватила ли я чего-нибудь такого, что мне не принадлежит?

— Нет. — Я не понимал, к чему клонит Дороти. — Коробка понадобилась ему совсем по другой причине. Ему нужен чемодан полковника Райдера. По всей видимости, то же самое нужно и вам. Боюсь, вам придется кидать жребий. Это все или вы хотите узнать что-то еще?

— Господи! — нахмурилась она. — Вот так незадача! Но ведь он же не знает, что вы ему уже везете этот чемодан… что чемодан у вас.

— Как же не знает? Знает, конечно.

— Откуда? Вы же еще не успели его предупредить, что нашли чемодан.

— Но он же в курсе, что отправил меня за ним, и потому знает, что либо я скоро заполучу чемодан, либо уже везу его к нему.

Дороти покачала головой:

— Вы что, никогда не сдаетесь? — Судя по тону, она бы не отказалась после завершения дела

сходить куда-нибудь поиграть. — С чего Вулф так в этом уверен? Откуда ему знать, что чемодан взяла я? Кроме того, я могла его спрятать в любое другое место. Именно так я бы и поступила, если бы пораскинула мозгами. Я ведь могла догадаться, что вы на меня выйдете. — Она невзначай положила ладонь мне на руку — вроде бы без всякого умысла, как само собой разумеющееся, и по-товарищески улыбнулась. — Думаю, вы бы удивились, если бы я предложила вам за эту коробку и ее содержимое десять тысяч долларов с условием, что вы отдаете ее мне и забываете о ее существовании. Ну как, удивились бы?

— Не то слово. Я был бы просто ошарашен, — невозмутимо произнес я.

— Ничего, скоро бы пришли в себя. И что бы вы тогда сказали?

— Черт подери! — Я погладил девушку по ладони, все еще лежащей на моей руке. — Зависит от ситуации. Если бы речь шла просто о предложении в ходе разговора, я бы завел машину, поехал и по дороге начал бы торговаться. Если бы вы мне сразу стали совать деньги, не знаю, как бы я на это среагировал.

— Вряд ли я бы стала таскать с собой такую пачку денег, — улыбнулась Дороти.

— Верно. Так что забудем об этом. — Я потянулся к ключу зажигания.

— Погодите, — вцепилась она мне в руку. — Какой вы импульсивный! Я и вправду предлагаю вам сделку. Десять тысяч.

— Наличными?

— Да.

— Где и когда?

— Надо подумать… — замялась она. — Я смогу достать деньги в течение суток. Даже быстрее. Я заплачу вам завтра днем.

— И где все это время будет коробка?

— В любом банке, работающем круглосуточно. Передадим на хранение в сейф с условием, что забрать ее сможем только вдвоем. Ну что, по рукам?

Я с восхищением уставился на нее. Признаюсь, восхищение сквозило и в моем голосе.

— Слушайте, мне кажется, я вас уже однажды видел. В цирке. Вы шли по натянутому канату прямо под самым куполом. Впрочем, вполне возможно, это была ваша сестра. Я бы мог согласиться с вашим предложением, вот только это нецелесообразно. Ниро Вулф наверняка обо всем пронюхает. Он всегда обо всем узнает, и тогда он непременно расскажет моей бедной матери-ста-

рушке. Если бы не мама, я бы вцепился в ваше предложение руками и ногами. Я обещал ей, что если когда-нибудь продамся, то запрошу не меньше миллиона. Дело в том, что мы заложили нашу ферму ровно за миллион.

Я завел двигатель и, тронувшись с места, влился в поток машин. Она не предприняла ни малейшей попытки переубедить меня или предложить наживку попривлекательнее. Впрочем, я настолько глубоко погрузился в собственные мысли, что, возможно, просто бы не услышал ее. Я ломал голову над несколькими загадками. В первую очередь меня интересовал чемодан. Сначала Вулф говорит, что он ему очень важен. Теперь это очаровательное невинное создание предлагает мне за него десять тысяч долларов, и это притом, что красная цена ему двадцать центов в базарный день. Меня страшно раздражало то, что я никак не мог понять, за что Дороти готова выложить такие деньжищи. В раздраженном состоянии я прибавил газу, и потому мы в мгновение ока донеслись до дома Вулфа на Тридцать пятой улице.

До обеда оставалось полчаса, и я рассчитывал, что Вулф в данный момент на кухне руководит кулинарными экспериментами. Вопреки ожи-

даниям я обнаружил его в кабинете на рабочем месте. Вулф трудился не покладая рук: он корпел над картой боевых действий Советского Союза. Видимо, тасовал командующих войсками. Когда мы вошли, он даже не поднял на нас глаз.

— Так вот как выглядит кабинет Ниро Вулфа, — сказала Брюс, скользнув взглядом по большому глобусу, набитым книгами шкафам, старомодному двухтонному сейфу и маленькой полочке, на которой Вулф всегда держал одну из своих орхидей в цвету.

Я снял веревку с коробки, открыл ее, ухватился за каркас чемодана, аккуратно, но при этом сильно потянул, вытащил и водрузил на стул, потому что на столе была разложена карта. В коробке имелись и другие вещи: бумаги и прочая всячина, но я не стал их трогать, а просто сдвинул коробку к стене.

— А-а-а… Раздобыл все-таки, — произнес Вулф, наконец соизволив поднять голову. — Это хорошо. Однако, как я погляжу, тебе не удалось остаться незамеченным. Одному чемодан было не дотащить? Пришлось обратиться за помощью к мисс Брюс?

— Нет. Она приехала, потому что для нее невыносима сама мысль о том, что чемодан пропадет

у нее из виду. Я зашел за чемоданом в кабинет Райдера, но там его не было. Чемодан пропал. Капрал сказал, что из кабинета никто ничего не выносил. Итак, чемодан никто не брал, а он все же пропал. Значит, решил я, его кто-то стащил. И этим кем-то могла быть только сержант Брюс. Я видел, как она в приемной складывала вещи в коробку. Чемодан лежал буквально через порог — в двух шагах от приемной. Капрал стоял к ней спиной. Таким образом, незаметно его умыкнуть для сержанта Брюс было плевым делом, но при этом неразрешимой задачей для всех остальных. Я добыл ее адрес, отправился к ней, осмотрел квартиру — две комнаты, кухонька и ванна с туалетом. Чемодан нашелся в гардеробной в спальне. Кроме того, там обнаружился лейтенант Лоусон. Живой и здравствующий.

— Черт бы его побрал! — Вулф откинулся в кресле и чуть прикрыл глаза. — Мисс Брюс, вы не присядете? Нет, если не возражаете, не сюда, а вот на тот стул.

Невинное, очаровательное создание послушно село.

— Я не знаю, в каком качестве там находился Лоусон, — продолжил я. — Ухажера? Носильщика? Понятия не имею. Наша беседа нисколько

этого не прояснила. Да, маленькая занятная деталь: она называла его «Кеном» и «милым». Я оставил его в квартире, а вам привез сержанта Брюс и чемодан. По дороге она предложила мне взятку наличными в обмен на коробку со всем содержимым. Если бы я согласился забыть о коробке, то завтра днем стал бы на десять тысяч долларов богаче. Думаю, если бы я поднажал, она бы согласилась заплатить и больше, но поймите: ее ладонь лежала на моей руке и потому я решил не торговаться. Так что подумайте над предложением. Если что, я с вами поделюсь.

— Значит, она предлагала десять тысяч за коробку с содержимым? — проворчал Вулф. — А что в ней, кроме чемодана?

— Я не смотрел.

— Ну так посмотри.

Я поднял коробку и вывалил из нее бумаги и прочую дребедень прямо на свой стол. Улов оказался небогатым: теннисная ракетка, пустая сумочка, пара чулок, книжка «Германия

неизлечима?»[1], баночка крема и другие вещи подобного рода. Бумаги оказались скучными. Такое вряд ли может привести к учащению моего пульса: я нашел устав сухопутных войск, четыре выпуска армейского еженедельника и с десяток армейских открыток. Когда я пролистнул устав, оттуда выпал сложенный листок бумаги. Я поднял и развернул его. На нем было отпечатано следующее:

ОЗЕРНЫЙ ОСТРОВ ИННИСФРИ

Встану да и поеду в Иннисфри.

Там хижину себе с плетнем сооружу погожим днем,

Вскопаю грядки для фасоли и улей пчелам подарю,

Под их жужжанье буду жить без страха и без боли.

На этом стихотворение не заканчивалось, было и продолжение.

---

[1] Примечания: 1

«Германия неизлечима?» — монография американского психиатра Ричарда Брикнера, вышедшая в 1943 г., в которой он анализирует коллективное поведение германской нации, используя методологию психологического анализа поведения отдельного человека, и доказывает, что коллективная психология немцев схожа с психологическим типом параноика.

— Ну это уже что-то, — сказал я Вулфу. — Иннисфри — это где?

— Чего? — сердито посмотрел он на меня.

— Она пишет стихи. — Я положил листок перед Вулфом и, обойдя стол, встал у Вулфа за спиной, чтобы дочитать до конца. — Она собралась на Иннисфри, построит там хижину, разобьет огород и станет разводить пчел.

Я стал читать дальше:

Спокойно буду жить в плену у тишины,

Рассветной тишины тумана и сумеречной —

с пением сверчков.

Там полуночные сверкают звезды

И полдень алый зной мне посылает без обмана,

А ветер – шелест птичьих слов.

Встану да и поеду в Иннисфри,

Где днем и ночью омывает скалы чистейшая озерная вода.

Дорога тяжкая, и все ж желанье не пропало,

Душа сказала мне – оковы отвори.

И серость мостовой озерной гладью стала[2].

— Пораженчество, — объявил я, — призывы к миру. Хватит, мол, воевать. Кстати, вы заметили…

Вулф, фыркнув, оборвал меня:

— Перестань! Этим стихам уже полвека. Их написала не она, а Йейтс. Ничего интересного не нашел? — спросил он, ткнув в груду скарба у меня на столе.

И тут я заметил нечто такое, что упустил:

— Знаете, эти стихи мне кое-что напоминают.

Встав спиной к сержанту Брюс, чтобы ей не было видно, я вытащил из кармана листок бумаги, который обнаружил среди развалин кабинета Райдера. Это было анонимное письмо, полученное Шаттаком. Развернув анонимку, я положил ее на стол, рядом с листком, на котором было отпечатано стихотворение.

— Взгляните! Это, — я кивнул на анонимку, — писал явно не Йейтс. По крайней мере, я так думаю. — С этими словами я показал на сходство двух текстов: буква «с» чуть ниже уровня строки, смещение влево буквы «о» и так далее. —

---

[2] Примечания: 2
Перевод Л. Вершинина.

Конечно же, это может быть лишь занятным совпадением, однако оно уж слишком сильно бросается в глаза.

— Да, занятно, — с недовольным видом согласился Вулф.

Ему явно не понравилось, что я оказался внимательнее его. Он достал из стола лупу и принялся тщательно сравнивать листки, ну а я пожал плечами, вернулся к себе за стол и сел в кресло. Если он решил, что Брюс столь глупа, что не поймет, зачем он сравнивает шрифты, время его научит. Однако мгновение спустя я понял, что он делает это специально напоказ. Наконец он отложил лупу и одобрительно мне кивнул:

— У тебя по-прежнему острый глаз, Арчи. Вне всякого сомнения, оба текста отпечатаны на одной и той же машинке.

— Премного вам благодарен. — Я понял намек и перешел в наступление. — Если вы собираетесь спустить ищеек и приступить к поискам, считаю, что лучше всего начать с квартиры сержанта Брюс. Я как раз приметил там портативную пишущую машинку марки «Ундервуд».

— Прекрасная мысль! — снова кивнул Вулф. — Кстати, в связи с этим возникает весьма интересный вопрос: что именно в первую очередь

заставило ее предложить тебе такую внушительную сумму? Желание заполучить чемодан, листок со стихотворением или и то и другое вместе?

— А что, если ни то и ни другое? — предложила свой вариант сержант Брюс.

Мы с Вулфом уставились на нее. Она выглядела совершенно спокойной, разве что чуть-чуть удивленной.

— Ни то и ни другое? — переспросил Вулф.

— Именно так, — улыбнулась девушка. — В первую очередь меня интересовали вы. Что же касается моего предложения майору Гудвину… Я просто решила провести маленький эксперимент: проверить, насколько он вам предан. Он в шутку упомянул миллион долларов, однако, как вам прекрасно известно, миллион долларов лишь малая часть от суммы на кону. И конечно, вы более чем заслуживаете эту часть за те услуги, которые можете оказать. Или даже не одну часть, а целых две.

Глава 5

Около десяти лет назад к нам в контору заявился один мужик по фамилии Хэллоуэлл, притащивший парусиновую сумку с застежкой-молнией. В ней лежало сто пятьдесят тысяч долларов пятидесятками и сотнями. Эту сумму он собирался всучить Вулфу в обмен на ответную любезность: тот должен был отказаться от своего намерения поджарить Хэллоуэлла на электрическом стуле. Сто пятьдесят тысяч — да это же курам на смех по сравнению с тем, что нам предлагали сейчас! Кроме того, эту сумму нам вручали неофициально, так что можно было забыть об уплате подоходного налога. За миллион долларов можно купить целых четыре миллиона бутылок лучшего пива!

Вулф откинулся в кресле, закрыл глаза и принялся шевелить губами, то вытягивая их трубочкой, то вновь втягивая. Я смотрел прямо в лицо Брюс и старался как можно более бесстрастно проанализировать справедливость ее оценки. С точки зрения Брюс, Вулф стоил в сто раз больше, чем я.

— Насколько я понимаю, — деловым тоном продолжило очаровательное, невинное создание, — вы не из тех людей, кто тратит время на банальности. Факт в том, что я одолжила почитать сборник Йейтса, и это стихотворение мне особенно понравилось, вот я и перепечатала его на своей портативной машинке. Так что догадка майора Гудвина верна. И я полагаю… Вы не подскажете, с чем именно вы сравниваете листок со стихотворением?

— С письмом, которое получил мистер Шаттак, — пробормотал Вулф, не открывая глаз.

— Да, это письмо было отпечатано на той же самой машинке, — кивнула она. — Равно как и тридцать других подобных писем, адресованных разным высокопоставленным лицам. Не сомневаюсь, вы уже знаете, что речь идет о крайне сложном деле. В нем задействовано очень много людей, в том числе и на самом верху. Мистер Вулф, не распыляйте свой талант на такие мелочи, как письмо в чемодане полковника Райдера. Оно того не стоит. Это не ваш уровень. Мы уже давно хотели с вами потолковать и выжидали удобного момента, а тут вы сами ускорили события, организовав охоту за этим чемоданом. Мы прекрасно понимаем, что устроить все будет

чрезвычайно сложно. Необходимы взаимные гарантии. Речь идет о гарантиях такого рода, которые исключили бы возможность пересмотра нашего соглашения. Мы готовы к переговорам в любой удобный для вас момент.

Вулф чуть-чуть приоткрыл глаза, так что между веками образовались щелочки.

— Мисс Брюс, мне понравилась та небрежность, с которой вы говорили о чемодане. Если для вас это такая мелочь, то мне и расспрашивать вас что о нем, что о письме бессмысленно, только зря время потрачу. Я вас правильно понял?

— Совершенно верно, — согласилась она.

— Я так и думал, — отозвался Вулф, — однако хочу обратить ваше внимание на то, что сейчас чемодан находится у меня, и при этом вы сами признали, что именно он вынудил вас вступить в игру и выложить карты на стол. Что же касается вашего предложения меня нанять, тут имеется ряд сложностей, которые лично мне представляются непреодолимыми. Вот вы, например, говорите «мы». Кто «мы»? Для меня это слишком расплывчато. Я готов обсуждать подобное дело лишь с вашими хозяевами, вот только это невозможно. Вряд ли они рискнут выйти на меня напрямую из страха, что я узнаю, кто они такие,

и тут же их предам.

Дороти нахмурилась и покачала головой:

— Мистер Вулф, вы кое-чего не понимаете. Люди, которых вы назвали хозяевами, — птицы очень высокого полета и потому ничуть не опасаются предательства. Оно просто не может угрожать им. Я уже сказала: речь идет о лицах из высоких эшелонов. Однако, несмотря на это, мы должны действовать скрытно, поскольку мы не хотим…

Ее прервал телефонный звонок. Я снял трубку. Выяснилось, что на проводе Вашингтон. В столице хотели побеседовать с Ниро Вулфом. Я уточнил, кто именно спрашивает его, и через некоторое время получил ответ — генерал Карпентер. Я попросил обождать, накорябал в блокноте «ген. Карп.» и, встав, передал его Вулфу.

Кинув взгляд на блокнот, он положил его на стол запиской вниз и вежливо сообщил Брюс:

— Мистер Гудвин проводит вас наверх и покажет орхидеи.

— Если звонит лейтенант Лоусон… — начала она.

— Пойдемте, — сказал я, — может, вам удастся выпытать это у меня.

В оранжерее царила жара. Я взмок, а ее щеки

после подъема по лестнице покрылись легким румянцем. Навстречу нам рысью кинулся Хорстман, но я успокоил его, объяснив, что просто показываю гостье дом. Я предложил пройти в комнату с рассадой, пояснив, что там прохладнее, но Дороти отказалась, сказав, что предпочитает остаться здесь и полюбоваться растениями. Мне страшно хотелось свернуть ей шею, и чтобы отвлечься от этого желания, я стал показывать ей орхидеи, приводя их названия на латыни. При этом я отметил, что сам предпочел бы отправиться в комнату с рассадой, но не могу оставить ее одну: вдруг она тайком нарвет орхидей, чтобы потом всучить их кому-нибудь в качестве взятки. Дороти с признательностью на меня посмотрела, издав странный звук: нечто среднее между смешком и каким-то бульканьем. Такое впечатление, что мои остроты были ей по душе.

Когда из комнаты с рассадой раздался телефонный звонок, мы уже успели добраться до третьей секции оранжереи. Извинившись, я поспешил туда и, сняв трубку, произнес:

— Гудвин на проводе.

— Отправь мисс Брюс на первый этаж.

— Хотите сказать, ее надо к вам привести?

— Нет, пусть спустится сама. Ты служишь в

армии и потому связан присягой. Я присяги не приносил. Дело может оказаться несколько деликатным. Лучше я с ней поговорю с глазу на глаз.

Ладно, значит, кое-что мне знать не обязательно, хотя я и так уже о многом не в курсе. Мне оставалось только подчиниться. Я передал все, что нужно, Брюс и проводил ее до двери на лестницу. Девушка начала спускаться. Часть пути я проделал вместе с ней, до своей комнаты этажом ниже. Поскольку никаких срочных дел у меня вроде бы не имелось, я решил сполоснуться, а потому разделся и полез в душ. Как правило, душ — отличное место, чтобы привести мысли в порядок и попытаться сложить головоломку воедино. Однако, поскольку в данном конкретном случае меня отправили с поля боя в обоз, низведя до роли пассивного наблюдателя, я решил расслабиться и ни о чем не думать. Таким образом, я прекрасно провел время, с гордостью разглядывая в отражении собственные мускулы и волосатую грудь. Когда позвонил Фриц с известием о том, что обед готов, я уже завязывал шнурки на ботинках.

Я спустился вниз и застал Вулфа в прихожей напротив двери в столовую. Дождавшись, когда я подойду поближе, он повернулся и вошел в столовую. Мы сели за стол.

— Мы будем одни? — вежливо полюбопытствовал я. — А как же наша новая нанимательница?

— Мисс Брюс ушла, — ответил Вулф.

Вошел Фриц с глиняным горшком на подносе, поставил его на стол перед Вулфом и снял крышку. Повалил пар, а вместе с ним по комнате поплыл аромат. Я принюхался, подался вперед и снова втянул ноздрями воздух.

— Потроха по-креольски, — произнес Вулф, — без свиных ножек и солонины. Страсть как хочется узнать твое мнение. — Он воткнул в горшок большую сервировочную ложку, вызвав к жизни еще одну струйку пара.

Поскольку мы начали обедать поздно, то кофе допили около десяти вечера. Встав из-за стола, мы направились в кабинет. Барахло из коробки, которое я вывалил себе на стол, исчезло. Сама коробка тоже куда-то подевалась. Убрали и карту Советского Союза. А вот чемодан по-прежнему лежал на стуле. Получив от Вулфа приказ убрать его в безопасное место, я запер чемодан в кладовке — в сейф он бы просто не влез. К этому моменту Вулф успел взгромоздиться в кресло и сплести пальцы на необъятном пузе. На столе перед ним лежала нераскрытая книга «Под прикрытием» Джона Роя Карлсона, которую он читал. Я сел за

свой стол и проговорил:

— Никому не хочу портить веселье и создавать впечатление, что мое мнение предвзято… Просто в какой-то момент мне подумалось: если Лоусон доложит начальству о том, что я побывал в гостях у сержанта Брюс и умыкнул коробку, с меня спустят шкуру.

— Хочу тебе напомнить, что ты застал его прячущимся в гардеробной.

— Пусть так, ну и что? — не отступал я.

— Уверен, он не станет совершать поступок, способный навлечь на мисс Брюс беду.

— Да неужели? А что, если он приставлен следить за ней? Что, если он с ней играет? Что, если он выполняет приказы Райдера или самого Файфа? Или Тинкхэма? Сами знаете, какие в нашем заведении правила. Кто бы за тобой ни стоял, всегда поглядывай назад.

— Арчи, не валяй дурака! — покачал головой Вулф. — Ты ведь уже успел пообщаться с мисс Брюс. Ты хочешь сказать, что лейтенанту Лоусону под силу водить эту девушку за нос? Вздор!

— Я полагаю, — многозначительно произнес я, — что она наверняка объяснила вам, какую именно роль играет Лоусон. Вы бы ни за что не оставили этот вопрос без ответа. Может быть,

Лоусон-старший — один из ее хозяев?

Вулф нахмурился и снова вздохнул:

— Арчи, хватит ко мне приставать! Черт подери, мне сейчас придется здесь сидеть и работать, а я не люблю работать после обеда! Ты офицер, ты служишь в армии, ты принес присягу, и потому это дело слишком опасно для тебя. Например, хочу тебе сказать, что полковника Райдера убили, и я собираюсь вывести убийцу на чистую воду. Понимаешь, в каком положении ты можешь оказаться? А что, если кто-нибудь из твоих непосредственных командиров начнет задавать тебе наводящие вопросы? А если тебе прикажут сделать доклад и отчитаться о происходящем? О мисс Брюс можешь не беспокоиться. Я собираюсь ее использовать. Я буду использовать и Лоусона. И тебя. Ну а сейчас оставь меня в покое. Почитай книжку. Посмотри картинки. Сходи в кино.

Фраза Вулфа о том, что ему сейчас придется работать, означала, что он будет сидеть с закрытыми глазами и с периодичностью три раза в час издавать тяжелые вздохи. Я уже понял: даже если в голову Вулфа придут светлые мысли, он со мной ими не поделится. Уж лучше пойти прогуляться. Мне в любом случае нужно было на улицу: там ждала машина, которую предстояло отогнать в

гараж. Из-за частичного затемнения прогулка поздним вечером, в отличие от довоенного времени, отнюдь не сулила удовольствия, но, впрочем, я его и не искал, и потому мне было все равно. Где-то в районе Пятидесятой улицы я окончательно решил снова попытать счастья и подать очередной рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Здесь, дома, я не имел ничего против того, чтобы носить форму и работать в армейской разведке. Работа на гражданке у Ниро Вулфа тоже представлялась мне вполне терпимой. Однако при этом мне все сильнее казалось, что попытка совместить эти две работы закончится для меня тюремным сроком с поражением в гражданских правах, а это означало, что я никогда не смогу баллотироваться в президенты.

Домой на Тридцать пятую улицу я вернулся в двенадцатом часу, но был настолько погружен в свои мысли о будущем, что не обратил внимания на мужчину, выбирающегося из такси. Заметил я его, только когда он стал подниматься по ступенькам крыльца, к которому направлялся и сам. К тому моменту, когда я, преодолев восемь ступенек, оказался на одном уровне с гостем, он уже поднес палец к дверному звонку. Услышав мои шаги, мужчина обернулся, и я узнал Джона

Белла Шаттака.

— А ну-ка позвольте, — произнес я и, протиснувшись между ним и дверью, вставил ключ в замок и повернул его.

— А-а-а… — протянул он, вглядываясь в мои черты, залитые сумеречным светом. — Майор Гудвин… Мне нужен мистер Вулф.

— А мистер Вулф в курсе, что он вам нужен?

— Да… Я ему звонил…

— Ладно. — Я впустил Шаттака в дом и запер дверь. — Пойду скажу, что вы уже здесь.

Дверь в кабинет была распахнута. Оттуда донесся рев Вулфа:

— Арчи, веди его сюда!

— Слышали? Идите на звук, — бросил я Шаттаку.

Он послушно направился в кабинет. Я вошел вслед за ним и сел за свой стол.

— Быстро же вы добрались, сэр, — громыхнул Вулф. — Присаживайтесь. Вот самое удобное кресло.

Шаттак был в смокинге, однако бабочка была сдвинута чуть в сторону, а на рубашке виднелось пятно, отчего политик выглядел немного неряшливо. Он открыл рот, кинул на меня взгляд, закрыл его, потом посмотрел на Вулфа и наконец

заговорил:

— Генерал Файф позвонил мне насчет полковника Райдера. Я как раз был на званом обеде… Мне предстояло выступить с речью… Как только я освободился, то сразу же позвонил вам. — Он снова посмотрел на меня. — Прошу меня простить, майор Гудвин, но мне кажется, что было бы лучше, если…

Когда я переступил порог кабинета, то сел за свой стол столь поспешно, потому что не сомневался: Вулф непременно выставит меня вон, поэтому я хотел заранее высказать ему свое мнение на этот счет. Однако слова Шаттака внесли в происходящее некоторые коррективы. Он не просто предложил меня прогнать, против чего Вулф просто из принципа непременно бы возразил, он предложил меня прогнать, предварительно не посовещавшись с хозяином. Вулф счел такое поведение недопустимым.

— Майор Гудвин, — пояснил Вулф, — приставлен ко мне совершенно официально. Он мое доверенное лицо. Неужели вы хотите сообщить мне нечто такое, о чем армии не обязательно знать?

— Разумеется, нет, — ощетинился Шаттак. — Я не располагаю сведениями, которые хотел бы

утаить от армии.

— Да неужели? — Вулф изумленно изогнул брови. — А вот я располагаю. Я храню сотни самых разных тайн, которыми лучше ни с кем не делиться. Мистер Шаттак, я в жизни не поверю, что вы чисты, как свежий снег. Впрочем, оставим это. Вы мне что-то хотели сказать насчет полковника Райдера?

— Не сказать. Спросить. Я узнал от Файфа, что вы расследуете обстоятельства гибели полковника и завтра представите генералу отчет. Вам уже удалось что-нибудь выяснить?

— Ну… Кое-что мы уже установили. Помните гранату? Ту, розовую, которую утром принес майор Гудвин, а полковник Райдер убрал к себе в стол. Так вот, она взорвалась и убила его. Должно быть, он ее вынул. У нас есть основания полагать, что в момент взрыва граната находилась либо на столе, либо над ним. Ее осколки разлетелись по всему кабинету.

Я привожу слова Вулфа, потому что их услышал и они отложились у меня в памяти, однако должен признаться: мой ум был занят другим. В первую очередь меня поразило не то, что я услышал, а то, что увидел. Прямо за Вулфом, чуть справа от него, висела картина маслом по стеклу,

с изображением монумента Вашингтона. Кстати сказать, картина была маскировкой, прикрывавшей смотровое отверстие, через которое из специальной ниши рядом с кухней можно было наблюдать за происходящим в кабинете. Под картиной висело несколько небольших полочек, уставленных всякой всячиной, в том числе и разными памятными сувенирами, доставшимися нам в ходе разных расследований.

Мое внимание привлек предмет, стоявший на четвертой полке сверху, которого раньше там не было. Являл он собой, мягко говоря, странное зрелище, поскольку был связан с делом, в котором мы еще не успели поставить точку. На полке стояла граната, разрыв которой отправил на тот свет Райдера. Точно такая же граната совсем недавно стояла на комоде в моей комнате.

Разумеется, осознание этого факта ввергло меня в дичайшее изумление, и тут до меня дошло кое-что, ничуть не менее ошеломляющее. Я понял, что передо мной еще одна граната — сестра-близнец моей, той самой, которую Вулф потребовал убрать из его дома. При этом я мог поклясться, что, когда я вышел из кабинета два часа назад, ее на полке не было.

Несмотря на свое потрясение, я таращился на

гранату не более двух секунд, так как знал, что пристально разглядывать чужие вещи невежливо. Поскольку Вулф и Шаттак не прервали разговора, я заключил, что ни один из них не обратил внимания на пережитый мною шок. Как я уже упомянул, мое сознание автоматически фиксировало все, что они говорили.

— А как произошел взрыв? Что привело к детонации гранаты? Вам это удалось выяснить?

— Нет, — коротко ответил Вулф. — В газетах сообщат, что произошел несчастный случай, без всяких версий случившегося. Генерал Файф утверждает, что просто так чека вылететь не могла, но даже эксперты допускают ошибки. Кроме того, нельзя исключать версию суицида. В этом случае с технической точки зрения все гораздо проще: полковник просто выдернул чеку сам. Но для этого он действительно должен был хотеть свести счеты с жизнью. Но так ли это на самом деле? Что скажете? Может быть, об этом знаете вы? Вы же были крестным его сына, вы называли полковника Райдера по имени… На ваш взгляд, он искал смерти?

Лицо Шаттака исказилось. Мгновение спустя он сглотнул. Несмотря на все это, его голос звучал четко и твердо:

— Даже если он и хотел покончить жизнь самоубийством, то я об этом ничего не знал. Да, у него погиб сын, но крепкий человек в здравом уме способен это пережить без сведения счетов с жизнью. Харолд был крепким человеком и в здравом уме. Это я могу с уверенностью утверждать, хотя в последнее время редко с ним виделся.

— Есть и другая версия, — кивнул Вулф. — Полковника Райдера убили. Поскольку в ход пустили гранату, значит ее предварительно стащили из ящика стола. Предположительно это сделал кто-то из нас, видевшихся сегодня утром с полковником. Нас было шестеро. Таким образом, ситуация довольно деликатная.

— Безусловно, — мрачно согласился Шаттак. — Именно поэтому я и приехал к вам. Значит, убийца стащил гранату из стола, а дальше?

— Не знаю. Тут важны малейшие детали. Именно они играют решающую роль. Нужно выяснить, кто входил и выходил из кабинета, кто был на рабочем месте, кто отсутствовал. — Вулф пытливо посмотрел на политика. — Насколько я понимаю, мистер Шаттак, наш разговор конфиденциальный?

— Разумеется. Безусловно.

— В таком случае я могу озвучить еще одну вер-

сию. В случившемся замешан еще один человек. Мисс Брюс. Секретарша полковника Райдера.

— Вы имеете в виду ту самую, из Женской вспомогательной службы? Она у него в приемной сидела?

— Да. К сожалению, я не готов изложить вам все детали, однако складывается впечатление, что полковник Райдер сумел добыть некие сведения и либо готовил рапорт, либо собирался приступить к его подготовке. Этот рапорт обернулся бы для нее сущей катастрофой.

— Мне это не нравится, — нахмурился Шаттак.

— Вот как? Вам это не нравится?

— Я хочу сказать, что я не… — Шаттак замолчал и нахмурился еще больше. — Вот что я вам скажу, — решительно начал он, — коль скоро наша беседа строго конфиденциальна. Может, я прав, может, заблуждаюсь, однако я подозреваю, что обстоятельства смерти капитана Кросса были намеренно сокрыты и никакого расследования никто не проводил. Я говорю о серьезном, обстоятельном расследовании. Узнав о том, что теперь этим занимаетесь вы, я успокоился. Разумеется, вы можете спросить, почему я недоволен тем, что вам поручили возглавить расследование гибели Райдера. Отчего же, я вполне этим доволен. Я

опасаюсь другого. Я боюсь, что вы можете заблуждаться. Вполне возможно, что сейчас, несмотря на все ваши таланты, вы идете по ложному следу. Именно поэтому я и говорю: мне не нравится, что вы решили впутать во все это девушку. Я с ней не знаком, ничего о ней не знаю, но мне кажется, вас водят за нос.

— Возможно, — не стал спорить Вулф. — А доказательства у вас есть?

— Нет.

— А что скажете об остальных шестерых? Хорошо, давайте из вежливости исключим присутствующих. Что скажете о тех троих? Вы можете что-нибудь о них рассказать?

— Нет.

— В таком случае, боюсь, мы весь вечер протопчемся с вами на месте. — Вулф кинул взгляд на часы, висевшие на стене, и, вцепившись в край стола, отодвинул кресло. — Уже полночь. Смею вас заверить, сэр, что если меня водят за нос, то я непременно выясню, кто этот хитрец, и отплачу ему сторицей. — Он встал. — Возможно, завтра я смогу вам сказать нечто более конкретное. Не исключено, что я управлюсь до полудня. Вас не затруднит заехать ко мне сюда в двенадцать дня? Если мне удастся что-нибудь узнать, мне

бы хотелось сообщить вам об этом лично, а не по телефону.

— Думаю, к полудню я к вам успею, — сказал Шаттак и тоже встал. — Да, непременно успею. У меня забронирован билет на трехчасовой рейс до Вашингтона.

— Значит, договорились. До завтра.

Я проводил политика до выхода, выпустил его, закрыл дверь, запер ее на засов, как и полагается перед отходом ко сну, после чего снова вернулся в кабинет. Я полагал, что Вулф сейчас пожелает мне спокойной ночи и отправится к себе наверх, но, к своему удивлению, обнаружил, что он снова уселся в кресло. Судя по выражению лица, он погрузился в размышления.

— Значит, вы решили заодно использовать и Шаттака? — достаточно грубо осведомился я. — Зачем? Он тоже замешан?

— Арчи! Тихо.

— Слушаюсь, сэр. А может, он хозяин мисс Брюс и вы решили все-таки пойти на сделку?

Ответа не последовало.

Я подошел к полке, на которой стояла граната, взял ее, подбросил в воздух и поймал. Вулф вздрогнул. Уже что-то.

— Это, — сказал я, — собственность вооружен-

ных сил. Точно так же, как и я, о чем вы не устаете ежечасно мне напоминать. Пусть пока полежит у меня в комнате, а утром я ее верну законным владельцам.

— Черт тебя побери! Верни ее!

— Нет, сэр. Сейчас я настроен совершенно серьезно. Как вы абсолютно правильно отметили, я офицер, я служу в армии и я принес присягу. Именно поэтому завтра же утром первым делом я отвезу гранату генералу Файфу и скажу ему…

— Заткнись!

Я свирепо на него посмотрел.

Вулф, полыхнув взглядом, уставился мне в глаза. В какой-то момент мне показалось, что он взвалил на себя неподъемную ношу и вот-вот поделится со мной тем, что его тревожит.

Наконец он произнес:

— Арчи, я действую сообразно обстоятельствам. Рекомендую тебе последовать моему примеру. Хорошо, я готов на определенные уступки. Взять, к примеру, чемодан. Его металлический каркас по всему периметру выгнут наружу. Расстояние от чемодана до точки взрыва в данном случае не играет никакой роли. Итак, каким образом взрыв, если он прогремел снаружи, мог подобным образом выгнуть каркас? Никак. Граната в

момент взрыва находилась внутри чемодана. Доказательством тому также служат бесчисленные дырки, проделанные осколками. Они вывернуты наружу. — (Я поставил гранату ему на стол.) — Таким образом, полковника Райдера убили. Граната не могла случайно взорваться внутри чемодана. Самоубийство отпадает. Полковника никак нельзя назвать идиотом. Только представьте: он решает свести счеты с жизнью, достает из ящика стола гранату, с помощью которой собирается себя подорвать, кладет ее в чемодан, оставляя крышку слегка приоткрытой, чтобы просунуть руку внутрь и выдернуть чеку. Иначе он просто не мог этого проделать, поскольку каркас крышки чемодана также выгнут наружу. Нет, о самоубийстве не может быть и речи. Остается только один вариант: это была ловушка. — Он взял в руки гранату и показал на толстый конец чеки. — Видишь этот желобок? Кладешь гранату в чемодан, привязываешь сюда конец бечевки, хотя сойдет даже кайма, оторванная от носового платка, потом закрываешь чемодан, оставляя лишь узенькую щелочку, так чтобы просунуть пальцы и закончить дело. Другой конец бечевки крепишь к подкладке крышки, воспользовавшись, к примеру, канцелярской булавкой,

лежащей тут же, на столе под рукой, — согласись, есть масса преимуществ, когда обстряпываешь такое дельце прямо на рабочем месте. Затем окончательно закрываешь крышку — и точка. На все про все уйдет две, от силы три минуты. И теперь не так уж и важно, когда и где полковник Райдер откроет чемодан. В любом случае он уже обречен. Поскольку в момент детонации гранаты крышка была закрыта, полковник, вероятнее всего, резко открыл чемодан, чтобы по-быстрому туда что-то закинуть, а потом немедленно его захлопнул, не обратив внимания на бечевку. Впрочем, даже если бы он ее и заметил, его бы это уже не спасло.

Я задумался. Когда Вулф закончил, я кивнул.

— Хорошо, — согласился я, — мне вам возразить нечего. Идем дальше. Зачем сержант Брюс забрала чемодан? Она это сделала, потому что…

— Нет! — решительно отрезал Вулф и убрал гранату к себе в ящик стола. — На этом все.

— Да вы даже толком и не начали, — фыркнул я.

— Я сказал: на сегодня все. — Он встал. — Завтра утром в восемь, когда Фриц подаст мне завтрак, жду тебя в своей комнате. Прихвати блокнот. Я дам тебе инструкции. День будет насыщенным.

Мы приготовим убийце ловушку похитрее той, что он придумал для полковника Райдера.

Глава 6

Во вторник утром без пяти одиннадцать я сидел на краешке своего стола в кабинете Ниро Вулфа и разглядывал реквизит. Я все приготовил сам в неукоснительном соответствии с инструкциями, но, несмотря на это, не имел ни малейшего представления о том, что на самом деле происходит. Я напоминал сам себе человека, брошенного в кромешной тьме с повязкой на глазах.

Как уже стало ясно, в одном Вулф уж точно не ошибся. День действительно выдался насыщенным, по крайней мере у меня. Ранним утром, как только Вулфу подали завтрак, я отправился к нему в комнату, где он объяснил, что мне делать, не уточнив при этом зачем и почему. Затем, в соответствии с планом, я отправился на Дункан-стрит. Время поджимало. Генерал Файф соизволил прийти на работу, когда на часах было почти десять. Закончив с ним, я вернулся домой и занялся реквизитом.

Не буду врать, дело это оказалось несложным и отняло у меня не так уж много сил. Речь шла о трех предметах: один лежал на моем столе, а

два — на столе Вулфа. В частности, на его столе лежал большой конверт, доставленный с утренней почтой. Темневший на нем адрес Ниро Вулфа был отпечатан на машинке. Кроме адреса, в нижнем левом углу конверта было отпечатано следующее:

> Открыть во вторник, десятого августа, в шесть часов вечера, если от меня не будет вестей.

В верхнем левом углу стоял обратный адрес:

> Полковник Харолд Райдер Кендлвуд-стрит, д. 633 Нью-Йорк

На ощупь в запечатанном конверте вроде бы было несколько листков бумаги. Конверт так и лежал неоткрытым чуть справа от центра стола под импровизированным пресс-папье. Оно было вторым предметом из подготовленного реквизита и являлось гранатой — сестрой-близняшкой той самой, что убила Райдера.

Внимательно присмотревшись к конверту, можно было заметить, что буква «с» располагалась чуть ниже уровня строки, а буква «о» смещена чуть влево. Текст на конверте был

отпечатан на той же самой машинке, что и стихотворение, так понравившееся сержанту Брюс, и анонимное письмо, полученное Шаттаком.

Третий предмет из списка находился на моем столе и представлял собой чемодан из дубленой воловьей кожи, который я обычно брал в краткосрочные поездки. Вулф приказал мне чем-нибудь его набить — рубашками, парой книжек, чем угодно, после чего поставить к себе на стол. Так я и сделал.

Насколько я понимал, эти три предмета: конверт, граната и чемодан — представляли собой ловушку, но при этом я не имел ни малейшего понятия о том, как, когда и кого мы собираемся в нее поймать. Судя по дальнейшим инструкциям, задумка Вулфа представлялась мне беспредельно, невозможно глупой. Ну кто может клюнуть на такую приманку? Я в сердцах произнес вслух несколько крепких выражений, которые мог бы подцепить в бараках, если бы судьба меня когда-нибудь туда привела. Почувствовав, что стало немного легче, я вышел из кабинета и поднялся по лестнице на крышу, в оранжерею, где и нашел Вулфа, который возился с торфяным мхом в комнате с рассадой.

— Все готово, — сообщил я.

— Искомые предметы в конторе? — уточнил Вулф, не отрываясь от своего занятия.

— Да.

— Ты предупредил наших гостей, чтобы они не опаздывали?

— Так точно. Лоусон придет в четверть двенадцатого, Тинкхэм — в половине двенадцатого, Файф — без четверти двенадцать. Шаттака и Брюс вы приглашали сами.

— Фриц? Смотровое отверстие?

— Я же сказал, — ледяным тоном произнес я, — все готово. Бог знает только для чего.

— Итак, Арчи, — тихо сказал Вулф, разрывая мох, — чисто теоретически я допускаю, что и сам нервничаю. Дело деликатное. Если мой план не сработает, убийца ускользнет и, возможно, нам уже никогда не удастся его изловить. Кстати, соедини меня с мистером Кремером.

Я подчинился, воспользовавшись телефоном, стоявшим на скамейке. И тут Вулф устроил настоящий спектакль. Признавшись, что нервничает из-за деликатности дела, он попер на инспектора, словно бульдозер:

— Доброе утро, сэр. Я насчет того, что давеча случилось в центре города. Как обещал, звоню вам, чтобы высказать свое мнение. Это было пре-

думышленное убийство. Пока я больше ничего добавить не могу, но, возможно, скоро сообщу вам подробности. Нет, сэр, вы этого не сделаете. Вы только выставите себя дураком. Да как, если я вам ничего не могу сейчас объяснить? Если вы приедете ко мне, вас не впустят. Я рассчитываю, что сегодня вам перезвоню, скажу, кто убийца и где его можно официально задержать. Разумеется, нет! Нет, сэр! — Вулф бросил трубку, фыркнул и снова занялся мхом.

— Если ваш план не сработает, Кремер будет немного недоволен, — заметил я.

Вулф едва заметно пожал плечами:

— Значит, он должен сработать. Который час?

— Восемь минут двенадцатого.

— Иди вниз, в нишу. Лейтенант Лоусон может прийти и раньше.

Я подчинился.

Никогда в жизни не чувствовал себя так глупо, как в последующий час. Процедура была простая. Я должен был спрятаться в нише, расположенной в конце коридора, где находилось смотровое отверстие, через которое можно было наблюдать за происходящим в кабинете. Всякий раз, когда в дом звонил очередной посетитель, Фриц должен был его встретить, проводить в кабинет, сказать,

что Вулф спустится через десять минут, после чего закрыть дверь. В мою задачу входило наблюдение за поведением посетителя, после того как он оставался один. Если он не будет трогать приготовленный реквизит, я должен оставаться на месте. Гостю даже не возбранялось рассматривать его, брать в руки и ставить на место. Если же он попытается предпринять нечто более серьезное, я обязан связаться с Вулфом по телефону, установленному на кухне. В любом другом случае я должен был оставаться на месте.

За пять минут до ожидаемого появления следующего посетителя Фриц должен был прийти в кабинет к гостю, сказать, что Вулф просит его подняться в оранжерею, и проводить его туда, освободив таким образом кабинет для следующего визитера. На тот случай, если кто-либо из жертв явился бы раньше положенного времени, Фрицу было велено оставить его ждать в гостиной, пока не освободится кабинет.

План был простым, и все прошло без сучка без задоринки. Лоусон пришел в 11:13, Тинкхэм — в 11:32, Файф — в 11:50, Шаттак — в 12:08, сержант Брюс — в 12:23. Фриц прекрасно справлялся с регулированием потока посетителей вплоть до того момента, о котором я и собираюсь вам поведать.

Как я уже отметил, никогда прежде я не чувствовал себя так глупо. Целый час я как прикованный сидел в нише и следил за приходящими и уходящими гостями. Допустим, что один из них убийца. Ну и чего от него ждет Вулф? Что преступник схватит конверт и пустится наутек? Подорвет себя гранатой? Еще раз повторит свой позавчерашний фокус, заминировав мой чемодан? На мой взгляд, если Всевышний наделил его хотя бы куриными мозгами, то ничего подобного ожидать не приходилось.

Так оно и случилось. Если среди гостей вообще был преступник.

Лоусон приехал первым. Когда Фриц оставил его одного, он встал, окинул взглядом кабинет, подошел к столу, склонив голову набок, осмотрел конверт и гранату, после чего сел и вплоть до появления Фрица больше не вставал.

Тинкхэм проявил к реквизиту куда больше интереса. Начнем с того, что он сразу же заметил искомые предметы. Как только Фриц закрыл за собой дверь, Тинкхэм оглянулся, посмотрел на нее, затем направился к ней, потом, передумав, подошел к столу, взял гранату, затем конверт и внимательно их осмотрел, при этом то и дело поглядывая на дверь. Вполне допускаю, что Тинк-

хэм ломал голову над тем, что ему делать дальше, однако решение он принять не успел. В тот самый момент, когда он начал по третьему разу рассматривать конверт, вошел Фриц. Тинкхэм тут же бросил конверт на стол. Когда гостя увели, я зашел в кабинет, разложил вещи так, как они изначально лежали, после чего снова вернулся на свой наблюдательный пост.

Про Файфа даже нечего сказать — полное фиаско. Вам может показаться невероятным, однако, клянусь, у меня создалось впечатление, что он вообще не заметил ни конверта, ни чемодана, ни гранаты.

Шаттак оказался единственным, кто обратил внимание на чемодан, но при этом не упустил из виду и приманку на столе Вулфа. Шаттак осмотрел чемодан, даже не притронувшись к нему, после чего подошел к столу и поглядел на конверт с гранатой. Затем он окинул кабинет взглядом, после чего снова осмотрел весь реквизит на обоих столах. При этом он так ничего и не взял в руки.

Я с нетерпением ждал появления последнего гостя или, точнее, гостьи — сержанта Брюс. Я сильно сомневался, что она способна преподнести мне сюрприз. Брюс могла выкинуть все, что угодно. Я бы ничуть не удивился, если бы она,

выдернув чеку, вышвырнула гранату из окна или открыла чемодан и сперла одну из моих рубашек. Однако случившееся все-таки меня изумило. После того как Фриц закрыл дверь, сержант в общей сложности провела в конторе секунд двадцать. Она подошла к гранате и конверту и тут же сунула их в ящик стола, так толком и не осмотрев. Задвинув ящик, она кинулась вон. Она бросилась бежать. Пожелай я остановить ее, мне бы пришлось сделать гигантский прыжок. Я услышал, как она пронеслась по прихожей и хлопнула входной дверью. Свернув из коридора за угол, я остановился. Сержанта нигде не было. Брюс удрала.

В этот момент я окончательно пал духом, поняв, что дело не выгорело. Я зашел в кабинет, с телефона на своем столе позвонил в оранжерею и рассказал Вулфу, что произошло. Затем, опять же согласно полученным от него инструкциям, я отправился на кухню. Мне было дозволено вернуться в кабинет только после того, как гости с Вулфом спустятся вниз из оранжереи. Почему? По кочану. Они не торопились. К тому моменту, когда я услышал жалобный стон лифта, я уже успел прикончить два банана и стакан молока. Когда до меня донеслись голоса из прихожей, я

решил дать гостям еще немного времени, чтобы они все вошли в кабинет и расселись. Затем я присоединился к ним.

Пока я огибал сидевших на стульях и в креслах гостей, направляясь к своему месту за столом, я обратил внимание на то, что царившую атмосферу никак нельзя было назвать приподнятой. Признаться, я с радостью откозырял бы старшим по званию, однако, похоже, присутствующие в данный момент не были настроены скрупулезно следовать уставу. Ни один из них не был в наручниках, погоны тоже пока оставались на местах, из чего я заключил, что расставленная Вулфом ловушка не сработала. Ближе всего ко мне сидел Шаттак, за ним Тинкхэм. Файф обосновался в большом кресле рядом со столом Вулфа. Лоусон устроился позади генерала, чуть справа от него.

Вулф удобно устроился в кресле, глубоко вздохнул и удовлетворенным тоном произнес:

— Итак, господа, теперь мы можем приступить к делу. Сначала мне хочется поблагодарить присутствующих за их терпение. Надеюсь, после того как я объяснюсь, вы все согласитесь, что ожидание того стоило. К сожалению, это был единственный способ выяснить, кто именно убил полковника Райдера — мисс Брюс или же

один из вас.

— Убил? — нахмурившись, посмотрел на Вулфа Файф. — Гудвин сказал мне, что вы…

— Прошу прощения, генерал, — оборвал его Вулф, — если вы начнете меня перебивать, мы просидим здесь весь день. Майор Гудвин сказал вам, полковнику Тинкхэму и лейтенанту Лоусону, что я желаю встретиться с вами с глазу на глаз у себя в кабинете, что я еще окончательно не выяснил обстоятельства смерти полковника Райдера, что я узнал о причастности к его смерти мисс Брюс, поскольку полковник готовил рапорт, способный ее погубить, и что я получил запечатанный конверт от полковника Райдера, отправленный им вчера, который хочу открыть в вашем присутствии.

— Но теперь вы заявляете…

— Генерал, я вас умоляю! — закатил глаза Вулф. — Сейчас я уже могу открыться. Дело в том, что я решил устроить эксперимент. Каждому из вас была назначена встреча с пятнадцатиминутным интервалом. После прибытия гость оставался в кабинете один. Как вы заметили, на столе лежит письмо, адресованное мне, а на конверте обратный адрес — домашний адрес полковника Райдера и примечание «Открыть во

вторник, десятого августа, в шесть часов вечера, если от меня не будет вестей». Кстати сказать, это письмо — фальшивка. Я отправил его сам себе прошлым вечером.

— Именно это я и подозревал, — сухо произнес полковник Тинкхэм. — На почтовом штемпеле стоит время приема корреспонденции. Одиннадцать вечера. К тому моменту Райдер уже был семь часов как мертв.

— Это как раз не важно! — резко оборвал его Вулф. — Можно придумать с десяток объяснений подобной нестыковки. Конверт я придавил гранатой. Взрыв точно такой же гранаты убил полковника Райдера. Прошлым вечером я попросил генерала Карпентера прислать ее мне, и она была доставлена курьером на самолете. Эксперимент заключался в следующем. Я хотел оставить здесь каждого из вас на десять минут наедине с этими предметами и посмотреть, что произойдет. После того как каждый из вас уходил из кабинета, сюда возвращался Фриц и тщательно все проверял. Особое внимание он уделял конверту: не трогал ли кто-нибудь его. Эксперимент грубый, до конца не продуманный, пусть так. Однако задумайтесь на минуту и представьте, что творится в голове у преступника. Поставьте

себя на его место. Вы сможете проторчать здесь целых десять минут, когда у вас под носом лежит этот конверт? Будете сидеть сложа руки и даже не попытаетесь выяснить, что там внутри? Нет, такое невозможно! Решительно невозможно.

— Я вообще не заметил этого чертова конверта с гранатой! Я и сейчас их не вижу, — фыркнул Файф; судя по выражению его лица, Вулф больше не относился к разряду ценных сотрудников. — Более того, у вас хватило совести включить меня в список подозреваемых.

— Происходящее очень сильно напоминает мне детский сад, — холодно заметил Тинкхэм.

— Полковник, полковник, — Вулф посмотрел на Тинкхэма и покачал пальцем, — затея-то сработала! Генерал Файф совершенно справедливо отметил, что сейчас не видит ни письма, ни гранаты. Они пропали.

Присутствующие, вытаращившись, уставились на Вулфа. Затем переглянулись. До них наконец дошел смысл сказанного. Я увидел в глазах озадаченное выражение, недоверие, беспокойство.

— О чем, дьявол побери, вы говорите?! На что вы намекаете?

— Ни на что, — тихо ответил Вулф. — Я просто констатирую факт. Я знаю, джентльмены, что

довел вас до белого каления, однако все же попросил бы вас дать мне закончить. Как я сказал, после каждого из вас Фриц возвращался в контору и осматривал приманку. Вы все блестяще прошли проверку. Лоусон, Тинкхэм, Файф, Шаттак. Однако, кроме вас, здесь побывал кое-кто еще. Последней из приглашенных была мисс Брюс. Ей тоже было отведено десять минут. Несмотря на это, джентльмены, она провела здесь только семь минут! Через замочную скважину кухонной двери можно наблюдать за прихожей. Фриц видел, как через семь минут мисс Брюс вышла из кабинета и скрылась за входной дверью. Он заглянул в кабинет и обнаружил, что и граната, и конверт пропали! Понятия не имею, зачем ей понадобилась граната, может, мисс Брюс собирается швырнуть ее в меня через окно.

Все посмотрели на окно, и я тоже — за компанию, чтобы не выделяться.

— Мне нужен телефон! — вскочил Файф.

— Не торопитесь, генерал. Давайте сперва немного потолкуем. Во-первых, нам не нужны враги в полиции. Мы не можем этого себе позволить. Во-вторых, полиция и так уже занимается Брюс. Я обо всем договорился с инспектором Кремером. Он прислал своих сотрудников с при-

казом дежурить у моего крыльца и сесть на хвост каждому, кто выйдет из дому до четырех часов вечера. В-третьих, вчера вечером мне позвонил из Вашингтона генерал Карпентер и снабдил меня кое-какими особыми инструкциями. И, как я уже упомянул, отправил мне гранату. Однако ею одной дело не ограничилось. С ней мне прислали письменные инструкции. Таким образом, если вы готовы потерпеть меня еще немного… — (Файф сел.) — Я не говорю, — продолжил Вулф, — что мисс Брюс убила полковника Райдера. Она производит впечатление находчивой и решительной девушки, однако у нас недостаточно доказательств, чтобы обвинить ее в убийстве. Я не знаю, почему она провела в кабинете семь минут вместо того, чтобы тут же схватить конверт и убежать. Не исключено, что у нее хватило хладнокровия его вскрыть и осмотреть содержимое, но лично я в этом сомневаюсь, поскольку положил в конверт всего-навсего несколько листов чистой бумаги. Так или иначе, теперь мы можем вплотную заняться ею. И мисс Брюс заплатит за свои проступки вне зависимости от того, совершила она убийство или нет. — Вулф нахмурился. — Признаться, мне очень не нравится тот факт, что в ее руках оказалась граната. Я не предвидел

подобного оборота. Если ее загонят в угол и она пустит ее в ход… — Он пожал плечами. — Арчи, позвони-ка мистеру Кремеру, скажи ему, чтобы он предупредил своих подчиненных… Но с этим потом, а сейчас… Где письмо от генерала Карпентера? Оно у тебя в столе?

Я уж было открыл рот, чтобы ответить Вулфу, и только тут меня наконец осенило. Так вот что за ловушку он приготовил!

— Кажется, нет, — произнес я. — Вы же вроде у меня его забрали. Я сейчас посмотрю. — Я рванул на себя ящик стола. Я бы не пожалел выложить месячное жалованье ради возможности посмотреть на лица присутствующих. Впрочем, я знал, что это задача Вулфа, а потому послушно продолжил играть уготованную мне роль. Я закрыл первый ящик и открыл второй. — Здесь нет. — Я открыл третий ящик.

Вулф отодвинулся назад, скрестил руки на груди и раздраженно бросил:

— Посмотри у меня в столе.

Я подчинился. Один ящик посередине, три — слева, четыре — справа. Я как раз собирался предложить покопаться в шкафу с бумагами, как вдруг Вулф воскликнул:

— Черт подери, вспомнил! Я положил письмо

тебе в чемодан. Погляди там.

Я вернулся к себе за стол. Стоило мне потянуться к замкам чемодана, раздался голос Вулфа, прозвучавший резко, словно удар кнута:

— Мистер Шаттак? В чем дело?

— В чем дело? Ни в чем, — ответил политик. Его голос настолько изменился, что я не сразу его узнал.

Я повернулся и посмотрел на него. Крепко сжав челюсти, Шаттак сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Его глаза сверкали. Мне показалось, я увидел в них и страх, и одновременно готовность сражаться.

— У вас выброс адреналина, — пояснил ему Вулф. — Этот процесс невозможно контролировать. Будь вы похрабрее, может быть, вы бы себя и не выдали. Однако вы оказались трусом. — Потянувшись к столу, Вулф выдвинул ящик, сунул в него руку и достал гранату. — Вот она. Показываю, чтобы вы сами убедились. Успокойтесь! Мисс Брюс не заминировала мой стол. И чемодан она не стала минировать, в отличие от вас. Ведь это вы вчера заложили гранату в чемодан полковника Райдера. — Вулф поставил опасную игрушку на стол.

— Боже милосердный! — ахнул Файф.

Лоусон вскочил и замер навытяжку у него за креслом, ловя каждое слово генерала.

Тинкхэм, во все глаза смотревший на Вулфа, перевел взгляд на Шаттака и погладил усики.

Шаттак молча сидел, будто окоченев. Он еще не до конца овладел собой и сейчас старался взять себя в руки. Вполне допускаю, что политик и не являлся храбрецом, но держать удар он умел.

Вулф встал.

— Генерал, — обратился он к Файфу, — боюсь, вы далее не можете принимать участия в данном деле. Мистер Шаттак — лицо гражданское, и потому расследование должно перейти в ведение гражданских властей. Мне бы хотелось с ним побеседовать по душам в непринужденной обстановке, поэтому сейчас мы отправимся с ним на небольшую прогулку в моем автомобиле. Машину поведет майор Гудвин. Господа, если вы желаете чего-нибудь выпить — Фриц к вашим услугам. — Вулф повернулся к политику. — Мистер Шаттак, вы можете послать меня ко всем чертям. Можете кинуться за помощью к своим адвокатам. В данный момент вы вообще вольны делать все, что вам заблагорассудится. Однако настоятельно советую принять мое приглашение и поговорить. Я рекомендую вам это сделать,

если вы имеете хотя бы отдаленное представление о том, кто я такой, а судя по вчерашней беседе с вами, я понял, что вам доводилось обо мне слышать.

Глава 7

— В Ван-Кортландт-парк! — распорядился Вулф, устроившийся на заднем сиденье.

Если мне когда-нибудь и суждено написать книгу «Самые интересные поездки в моей жизни», то в первую очередь я расскажу именно об этой.

Я сидел за рулем. В нарушение устава я расстегнул три верхние пуговицы кителя, чтобы в случае необходимости быстрее выхватить пистолет из плечевой кобуры. Оружие я взял с собой по собственной инициативе. Джон Белл Шаттак сидел на переднем сиденье рядом со мной, а при этом мы его так и не обыскали. На заднем сиденье громоздился Вулф. Он являл собой куда более комичную картину, чем обычно. Сейчас, вместо того чтобы держаться за ремень, он вцепился в гранату. Я не знал, зачем он взял ее с собой — для самообороны или просто потому, что не желал держать ее в доме. Я был уверен в одном: Вулф прихватил гранату с собой не просто так. Но зачем мы едем в Ван-Кортландт-парк? Прежде Вулф никогда даже на пушечный выстрел не

приближался к этому району города.

Я направил машину по Сорок седьмой улице в сторону выезда на Вестсайдское шоссе.

— Вы правильно сделали, мистер Шаттак, что сразу же без всяких споров согласились поехать со мной. Очень разумно с вашей стороны, — громыхнул Вулф.

— Я вообще разумный человек, — отозвался Шаттак. Судя по всему, он уже окончательно овладел собой. Голос, по крайней мере, у него звучал спокойно. Политик извернулся на сиденье так, чтобы оказаться лицом к лицу с Вулфом. — Не знаю, что вы задумали и зачем везете меня в этот парк. Что за нелепость — обвинять меня в убийстве Харолда Райдера! Это что, вы так пошутили? Если да, то шутка неудачная. Вы обвинили меня в присутствии четырех свидетелей. Я поехал с вами, чтобы дать вам шанс объясниться со мной наедине. Это в том случае, если вы вообще в состоянии объясниться. Более того, объяснение должно быть убедительным и внятным. Отговорок я не потерплю!

— Постараюсь вас не разочаровать, — отозвался Вулф; мы переехали трамвайные пути на Сорок второй улице. — Арчи, езжай помедленнее.

— Слушаюсь, сэр.

— Я попытаюсь ограничиться только самой сутью, — начал Вулф. — Если вы хотите подробностей — только скажите. Итак, для начала должен признаться: большая часть того, что я рассказал вам и остальным гостям, — ложь.

— Вот оно как, — протянул Шаттак. — Однако, прежде чем это признать, вы предпочли уединиться со мной. И как же вы это объясните? Я вас слушаю.

— Сейчас я объясню, о чем именно соврал. — Машину слегка тряхнуло, и Вулф недовольно заворчал. — Я сразу понял, что полковник Райдер был именно убит. Мне это стало ясно, как только я увидел остатки чемодана, который, кстати сказать, сейчас лежит у меня в кабинете. Никакого письма с инструкциями от генерала Карпентера я не получал, хотя мы с ним и поговорили по телефону. Сегодня днем он прилетит в Нью-Йорк, а вечером мы встретимся с ним за обедом. Львиная доля *лжи* связана с мисс Брюс. Я не сказал о ней практически ни единого слова правды. Ее никто ни в чем не подозревал. Полковник Райдер не собирался подавать рапорт, который бы ее погубил. Я не просил полицию сесть ей на хвост после того, как она вышла из моего дома. На самом деле мисс Брюс является личным помощником

генерала Карпентера и подчиняется непосредственно ему. Вчера вечером генерал сказал мне, что она стоит любых двоих мужчин и служит под его началом. Лично я в этом сомневаюсь, однако то, как мисс Брюс поступила с чемоданом, свидетельствует о том, что кое-какие мозги у нее действительно есть. Она увидела его в дверном проеме — чемодан лежал в нескольких футах от порога приемной. Мисс Брюс сразу поняла по его внешнему виду, что он является серьезной уликой.

— Да какая разница, какой у него был вид? — раздраженно спросил Шаттак.

— Ладно, будет вам, — с укором произнес Вулф. — Прошу вас, давайте вы не будете строить из себя святую невинность. Мисс Брюс оказалась достаточно умна, чтобы тайком вынести чемодан, намереваясь впоследствии показать его генералу Карпентеру. Он отправил мисс Брюс к нам в город из-за возникшего подозрения, что кто-то в нью-йоркском подразделении замешан в торговле промышленными секретами. Именно она напечатала полученное вами анонимное письмо. Кстати сказать, своей реакцией на него вы себя и выдали: уж слишком оно вас обеспокоило, хотя никто и не думал вас даже подозревать.

Точно такое же письмо получило около тридцати человек, занимавших ключевые посты в законодательных органах и администрации. По сути дела, генерал разбрасывал наживку и смотрел, кто клюнет первый. С полковником Райдером ситуация была иная. В отличие от вас, он уже был под подозрением, но мы не располагали доказательствами его вины. Таким образом, было принято решение установить за ним наблюдение, и с этой целью из Вашингтона сюда прислали мисс Брюс. Вполне допускаю, полковник Райдер почувствовал, что ему не доверяют, и потому собрался в Вашингтон, чтобы объясниться с генералом Карпентером. Кроме того…

— Господи боже! — воскликнул Шаттак. — Как же это подло! Как низко! Если вы хотите и дальше сыпать этими дурацкими обвинениями против меня и не боитесь последствий, валяйте, продолжайте, вот он я! Я способен за себя постоять и, уж поверьте, так этого не оставлю. Но Харолда не трогайте! Он мертв, а марать имя покойного грязными наветами…

— Прекратите! — коротко оборвал его Вулф. — А то я начинаю склоняться к мысли, что вы не просто трус, но еще и дурак. Хотите произвести на меня впечатление пламенными речами? Хватит

городить чепуху. Вы же прекрасно понимаете, зачем согласились сесть со мной в машину. Вы хотите выяснить, что мне известно. Ну так дайте мне закончить. Хотите раскрыть рот сами — пожалуйста, только если вам действительно есть что сказать. Так на чем я остановился? Ах да, на сержанте Брюс. Собственно, о ней — все. Пожалуй, добавлю только, что лейтенант Лоусон тоже выполняет особое задание генерала Карпентера. Он у мисс Брюс вроде мальчика на побегушках. С этой ролью он справляется вполне удовлетворительно. Все, что я вам говорю, — военная тайна, и я бы не стал ее вам раскрывать, если бы у вас имелся хотя бы малейший шанс ее кому-нибудь выдать. Но я ничем не рискую. Через час, а то и меньше, вас уже не будет в живых.

Шаттак во все глаза уставился на Вулфа. Политик явно потерял дар речи.

Мы мчались по Вестсайдскому шоссе. Лично я был настолько ошарашен происходящим, что кинул взгляд на Шаттака, а когда снова посмотрел на дорогу, то едва успел среагировать, чтобы не поцеловаться с бордюром.

— Вы что, рехнулись? — Шаттак наконец нашел в себе силы задать вопрос.

— Отнюдь нет, сэр, — охотно ответил Вулф, — я

просто говорю о событии, которое с наибольшей вероятностью может произойти, как о несомненном факте. Мы все так поступаем.

— Меня не будет в живых? Через час? — Шаттак рассмеялся, причем достаточно искренне. — Какая нелепость! Что, будете угрожать подорвать меня этой гранатой, если я не подпишу признательных показаний? Я просто ушам своим поверить не могу!

— Ну что вы. Впрочем, насчет гранаты вы не ошиблись. Я захватил ее специально, чтобы вы смогли свести счеты с жизнью.

— Боже, да вы действительно тронулись!

— Не надо повышать на меня голос, — покачал головой Вулф. — А вот свой ум советую привести в порядок. Он вам понадобится. Арчи, ты куда едешь?

— Съезжаю с шоссе. Сейчас доберемся до въезда в парк. А потом куда?

— В тихое место, подальше от центральных аллей.

— Слушаюсь, сэр.

Мы поехали вниз по склону.

— А знаете, почему вы стали на меня кричать? — продолжил Вулф, обращаясь к Шаттаку. — До вас наконец стало доходить, что сейчас

вы сражаетесь за свою жизнь. У себя в кабинете я сыграл с вами достаточно подлый трюк. Сперва вы увидели у меня на столе гранату. Затем я сказал, что сержант Брюс, считавшая, что я угрожаю ее безопасности, провела у меня в кабинете семь минут, после чего ушла, а граната исчезла. И в тот момент перед вашим мысленным взором предстал яркий образ того, что вы сами накануне проделали с точно такой же гранатой. Ни о чем другом вы просто не могли подумать. Когда майор Гудвин начал один за другим выдвигать ящики стола, вы испугались, что в одном из них может быть ловушка, и невольно потеряли над собой контроль. А потом я велел ему открыть чемодан. Как жалко, что в тот момент вы не могли посмотреть на себя со стороны! Что за зрелище вы являли! Даже если бы вы заорали и бросились из комнаты наутек, и то не получилось бы красноречивей… Арчи, ты что, не видел той ямы! Так вот, вам, разумеется, хочется выяснить, много ли я знаю. Много ли знает генерал Карпентер. Я вам этого не скажу. Вы сели в машину, намереваясь меня обыграть, в расчете на то, что окажетесь умнее. Даже не пытайтесь. Если бы мы оказались на равных, то и тогда сложно сказать, чем бы закончилось дело. Но мы не на равных. Я свобо-

ден, и мне ничто не угрожает. Вы обречены. Вы загнаны в угол и лишены свободы маневра.

— Хотите нести околесицу дальше? Валяйте! — бросил Шаттак.

Мы въехали в Ван-Кортландт-парк.

— Подлец и негодяй не всегда одновременно и дурак, — пропустив слова политика мимо ушей, произнес Вулф. — Вы прекрасно знаете, мистер Шаттак, что есть масса высокопоставленных лиц, в том числе и вашего уровня, которые не знают ни стыда ни совести, но при этом доживают до седых волос и умирают в своей постели, окруженные почетом и уважением. Они жалеют лишь об одном: что не прочтут о себе некрологов, в которых им будут петь панегирики. И вы вполне могли стать одним из таких людей. У вас огромный резерв доверия, который вы заработали, оказывая услуги богатым и влиятельным людям, когда покрывали их незаконную деятельность. Вы вполне могли добиться всего того, чего хотели и о чем мечтали.

Но вам не повезло. Судьба свела вас со мной. Я обладаю двумя талантами. Во-первых, изобретательностью. Сегодня я пустил этот талант в ход, и в результате вы сейчас сидите со мной в машине. Второй мой талант — упорство. Я решил, что в

этом деле проще всего поставить точку, спровадив вас на тот свет. Я рассчитываю на то, что вы со мной согласитесь. Если нет, если вы попытаетесь сражаться дальше, вам конец. В данный момент мы не располагаем достаточным количеством улик, чтобы осудить вас за убийство полковника Райдера. Возможно, мы их так никогда и не соберем. Однако их у нас вполне достаточно, чтобы выдвинуть против вас обвинение в убийстве и отдать вас под суд. Я лично об этом позабочусь. Если суд вас оправдает, я не стану сидеть сложа руки. Я ни на секунду не остановлюсь. Не будем забывать и об убийстве капитана Кросса. Вы наверняка наследили, когда тайком передавали промышленные секреты, доверенные нашей армии, чтобы она могла выиграть войну.

Теперь я знаю, кто вы такой, и мне известно, где вас искать. Как вы думаете, сколько времени у меня уйдет на то, чтобы отстранить вас от должности, отдать под суд и добиться обвинительного заключения? Неделя? Месяц? Год? А как насчет ваших подельников? Как они себя поведут, когда поймут, что вас вот-вот настигнет расплата? Да, вы позаботились о том, чтобы полковник Райдер уже никогда не смог дать показания против вас, но, кроме него, есть и другие. Как насчет них,

мистер Шаттак? Вы доверяете им больше, чем своему старому другу Райдеру? А если мы возьмем их в оборот? Что, если они расколются? Сами понимаете, всех их вам не перебить.

Шаттак больше уже не смотрел на собеседника. Политик по-прежнему сидел, повернувшись лицом к Вулфу, но краем глаза я заметил, что его взгляд устремлен мимо моего подбородка куда-то в окно.

— Арчи, останови машину! — распорядился Вулф.

Я свернул на поросшую травой обочину и затормозил. По одной из вспомогательных троп мы заехали в дальнюю часть парка, куда по рабочим дням не забредала ни одна живая душа. По левую руку от нас уходил вниз поросший лесом склон, а справа раскинулся плавно забирающий вверх луг с редкими деревьями. Еще бы стадо коров, и у меня возникло бы впечатление, что мы забрались в какую-то глухомань в Вермонте.

— Тропа заканчивается тупиком? — спросил Вулф.

— Нет, — ответил я, — она идет по холму и выходит на северную аллею, которая потом сворачивает на восток.

— Тогда вылезай, пожалуйста, из машины. — Я

подчинился, и Вулф вручил мне гранату. — На. — Затем он показал пальцем на склон справа: там на лугу росло большое дерево. — Положи гранату под дерево. Прямо у ствола.

— Что, прямо на землю?

— Да.

Я подчинился. По дороге — сто ярдов туда и еще сто обратно — я делал в уме ставки и наконец пришел к выводу, что Вулф все-таки возьмет верх. Возможно, вы подумаете, будто я относился к происходящему предвзято, однако на самом деле это не так. Я просто видел Вулфа и Шаттака и слышал, как они разговаривали. Одного голоса Вулфа было достаточно для того, чтобы понять, чем закончится дело. Вулф говорил сухо, уверенно, с напором. Когда слышишь такой голос, то сразу веришь, что случится именно то, о чем говорит его обладатель. Внешний вид Шаттака в не меньшей мере, чем голос Вулфа, свидетельствовал о неизбежности скорой развязки. Теперь я не был за рулем и мог разглядеть политика повнимательнее. Только сейчас до меня дошло, что Шаттак даже толком не начал оправляться от совершенно неожиданного удара, который нанес ему в кабинете Вулф. Политик напоминал боксера на ринге, лежащего в глубоком нокауте, а Вулф

— нависшего над ним рефери, считающего до десяти. Когда я подошел к машине, Вулф говорил:

— Если вы так считаете, значит вы ничего не поняли. Я буду сражаться с вами до конца. То же самое могу сказать и о генерале Карпентере. У вас нет ни малейшего шанса. Даже если вас не приговорят к смерти по суду, вы все равно человек конченый. Как минимум вы будете безнадежно опозорены, а на вашей карьере поставят крест. Однако я не стану врать, что привез вас сюда в качестве одолжения. Мы бы предпочли провести официальное расследование и все сделать по закону, но мы служим нашей стране, а страна ведет войну. Если сейчас разразится скандал подобного масштаба, он причинит невообразимый вред. Если есть возможность его избежать, значит ею необходимо воспользоваться. Я все это говорю не для того, чтобы как-то повлиять на ваше решение, нет, это бесполезное занятие. Я просто стараюсь донести до вас, зачем я взял на себя труд привезти вас в этот парк.

Я открыл дверь с той стороны, где сидел Шаттак, прислонился к ней, чтобы она не захлопнулась, и сказал Вулфу:

— Рядом с деревом — плоский камень. Я положил ее туда.

Шаттак посмотрел на меня так, словно собирался что-то сказать, но так ничего и не произнес. Не сводя с меня взгляда, он несколько раз облизал губы.

— Вылезайте из машины, мистер Шаттак! — резко бросил Вулф. — Идти недалеко — примерно как от лифта до кабинета полковника Райдера и обратно. Секунд тридцать-сорок, и вы на месте. Мы подождем здесь. В официальном сообщении будет сказано о несчастном случае. Обещаю. Некрологи напечатают — выше всяческих похвал. Все, о чем может только мечтать любой выдающийся общественный деятель.

Шаттак медленно повернулся к Вулфу.

— Неужели вы думаете, что я сам… — севшим голосом начал он и замолчал. Мгновение спустя он предпринял еще одну попытку: — Неужели вы думаете, что я… — Он попытался сглотнуть, но это не помогло.

— Арчи, помоги ему выйти из машины.

Я взял Шаттака под локоть, и он начал выбираться. Поставив ногу на подножку, он поскользнулся, но я удержал его от падения и помог сделать первые несколько шагов по траве.

— Дальше он справится сам, — произнес Вулф. — Давай полезай в машину.

Я подчинился, захлопнул за собой дверь и, сдвинувшись, перебрался за руль.

— Если вы передумаете, мистер Шаттак, — бросил в открытое окно Вулф, — возвращайтесь обратно. Мы подкинем вас до города, и начиная с этого момента между нами начнется война. Я настоятельно советую вам не возвращаться, хотя и сомневаюсь, что вы нуждаетесь в моих советах. Вы трус, мистер Шаттак. У меня богатый опыт, но за всю свою долгую практику я ни разу не сталкивался с таким малодушием, которое проявили вы, убив полковника Райдера. Задумайтесь над этим. Повторяйте про себя, когда пойдете по лугу: «Я трус. Я трус и убийца». Это вам поможет довести дело до конца. Сейчас вам как-то нужно прошагать сто ярдов. Мужество и храбрость вам не помощники — у вас нет ни того ни другого. Так пусть вас гонит вперед честность по отношению к самому себе, ваша внутренняя потребность поступить так, как и полагается трусу. И не забывайте: если вы вернетесь, вас здесь будем ждать мы. Вы вернетесь ко мне. Я буду вас здесь ждать. Помните об этом. Это вам тоже поможет.

Вулф замолчал, потому что Шаттак двинулся прочь от машины. Медленно ступая, он спустился в неглубокую водоотводную канаву и, подняв-

шись по ее склону, оказался на другой стороне. Проделав несколько шагов, он пошел быстрее, направляясь прямо к дереву. На полдороге он обо что-то споткнулся и едва не упал, но все-таки удержался на ногах. С этого момента он еще больше прибавил темп.

— Заводи, — пробормотал Вулф. — Езжай вперед. Медленно.

Я подумал, что он допускает ошибку. Шаттак наверняка услышит звук работающего мотора, и как это на него повлияет, совершенно неизвестно. Однако я подчинился, стараясь действовать как можно тише. Я вырулил с обочины обратно на тропу, и мы с черепашьей скоростью поползли вверх по склону холма. Так мы проехали ярдов сто, потом двести.

— Стой! — раздался голос Вулфа.

Я переключил передачу на нейтралку, поставил машину на ручник и, не заглушая двигателя, повернулся, чтобы кинуть взгляд назад — на луг. В последний раз я мельком увидел Джона Белла Шаттака, стоявшего на коленях перед деревом. Политик склонился и…

Мы услышали только звук разрыва, который оказался совсем не таким громким, как я ожидал. Ничего, кроме поднявшегося в воздух облака

пыли, я не увидел. Несколько мгновений спустя, может секунды через четыре, я услышал легкий шелестящий звук. В траву начали падать осколки, издавая шум, напоминавший о первых крупных тяжелых каплях летнего ливня.

— Поехали! — коротко бросил Вулф. — Надо найти телефон. Черт подери, мне нужно поговорить с инспектором Кремером!

Глава 8

На обед у нас были устрицы, жареная утка а-ля мистер Ричардс, вареная, а затем обжаренная кукуруза в початках, зеленый салат, черничный пирог, сыр и кофе. Я сидел напротив Вулфа, справа от меня — генерал Карпентер, а слева — сержант Брюс. Насколько я понял, Вулф заранее знал, что Карпентер приведет ее с собой, поскольку еще до их появления стол уже был накрыт на четырех человек, просто не счел нужным меня об этом предупредить. Брюс ела, как и полагается сержанту, — я говорю не о манерах, а об объемах. Мы от нее не отставали.

После обеда в кабинете я раскурил две сигареты: для себя и для нее. Карпентер устроился в красном кресле, в котором накануне вечером сидел Джон Белл Шаттак, набил трубку, зажег ее, скрестил ноги и запыхтел. Вулф, удобно расположившийся в своем кресле-троне за столом, воспринял происходящее с подлинным мужеством, как настоящий мужчина. Он ненавидел трубки, но на его лице было ясно написано, по крайней мере мне, что раз идет война, то жало-

ваться на невзгоды — занятие недостойное.

— До сих пор не понимаю, — начал Карпентер, — каким образом Шаттака угораздило так подставиться.

— А он не отдавал себе в этом отчет, — с довольным видом, вздохнув, промурлыкал Вулф. — Во-первых, он недооценил меня. Во-вторых, он слишком переоценил себя. Это профессиональное заболевание многих власть имущих. В-третьих, его выбило из колеи анонимное письмо. Решение разослать письма наугад было гениальной находкой.

— Это была идея Дороти, — кивнул Карпентер. — Мисс Брюс.

Я хмыкнул про себя. «Дороти», «Кен, милый»… А быстро она оказывается на короткой ноге с людьми.

— Да, похоже, в какой-то степени ей нельзя отказать в наличии ума, — пошел на уступку Вулф, — который при этом не помешал ей совершить сказочную глупость. Я про ее попытку проверить нашу с майором Гудвином преданность делу. Не сомневаюсь, что она вам об этом ничего не рассказала. Так вот, она попыталась купить меня за миллион долларов. Раз у нее имеются проблески гениальности, конечно

же, пользуйтесь ее талантами на всю катушку, только не забывайте, что у нее также случаются и проблески слабоумия. Я хочу, чтобы вы были в курсе. Более очевидной ловушки из всех, когда-либо придуманных женщиной, я еще не встречал.

— Вам она, может, и была очевидной, — заулыбался Карпентер. — Кстати, придумал ее я. Рассказал о ней Дороти, велев испытать вас, когда представится возможность. Только подумайте, интересы каких людей стояли на кону. А какие суммы! Тут уж впору усомниться и в собственной преданности делу. Я не испытывал никаких иллюзий по поводу ваших талантов, но при этом…

— Да ладно, оставьте, — отмахнулся Вулф. — Вы могли бы придумать что-нибудь поумнее. Что же касается Шаттака, то у него не оставалось другого выхода. Не исключаю, он уже начал догадываться, что Райдер собирается идти с повинной.

— Никак не пойму, почему Райдер так поступил. Я мог бы поклясться, что он честный человек, а оказалось, у него червоточина…

— Не обязательно, — покачал головой Вулф. — Не исключено, что у Райдера просто было слабое место. Не забывайте, они с Шаттаком были старыми друзьями, а кому, как не старому другу,

знать тайный мир своего товарища, знать, чем пригрозить, куда ударить, чтобы парализовать и сделать беспомощным. Однако у Райдера в жизни случилось одновременно два потрясения, в силу которых угроза Шаттака, в чем бы она ни заключалась, утратила свою силу. Во-первых, любимый сын Райдера погиб в бою, а во-вторых, был убит капитан Кросс, один из подчиненных полковника. Гибель сына заставила переосмыслить все ценности, ну а убийство Кросса превращало Райдера в соучастника, а на это он не подписывался. Вот полковник и решил отправиться к вам, чтобы выложить все начистоту, а о своем намерении он поставил в известность Шаттака, причем сделал это не во время приватной встречи, с глазу на глаз, поскольку не хотел с ним ничего обсуждать. Он объявил об этом публично, при свидетелях, таким образом разрушив за собой все мосты. Вот что произошло.

— Ну и в переделку же он попал, — пробормотал Карпентер.

— Именно. То же самое можно сказать и про Шаттака. Он вообще оказался загнанным в угол. Когда Райдер объявил о своих намерениях, у Шаттака не осталось выбора. А дальше сыграли свою роль обстоятельства, облегчившие ему задачу.

После того как он вернулся обратно после ланча с генералом Файфом, ему всего-навсего было нужно уединиться на три-четыре минуты в кабинете Райдера. Согласитесь, это не так уж и сложно. Затем он, полагаю, отправился на какую-нибудь встречу. Люди его положения постоянно с кем-то встречаются. Еще до того, как мы сели обедать, вы поинтересовались, не он ли убил капитана Кросса. Полагаю, что он. Если вы собираетесь внести это в протокол, разузнайте, был ли Шаттак в Нью-Йорке в прошлую среду вечером, и если был, то выясните, чем он занимался. — Вулф пожал плечами. — Он мертв.

Карпентер кивнул, глядя на Вулфа. Генерал смотрел на Вулфа с выражением, которое я уже не раз наблюдал у людей, сидевших в этом кресле. Это выражение напоминало мне слова, которые столь часто слышишь от приезжих, рассуждающих о Нью-Йорке: они обожают сюда приезжать, но жить им тут не по карману. Ну а я здесь живу.

— Как вы догадались, что он и есть убийца? — спросил Карпентер.

— Я вам уже объяснил. Я понял это по его реакции, когда майор Гудвин начал выдвигать ящики стола, а потом потянулся к чемодану. А до этого я не имел ни малейшего понятия о

том, кто из присутствующих убийца. Им мог оказаться Файф, или Тинкхэм, или даже Лоусон. Кстати, — Вулф кинул взгляд на часы, — они приедут через двадцать минут. Я объяснюсь с ними насчет мисс Брюс. Коли вы не хотите предавать огласке ее подлинную роль в этом деле, придется им сказать, что я просто использовал ее. Что же касается инструкций по поводу Шаттака, я скажу, что приказ исходит от вас. Я обещал ему, что представлю случившееся как несчастный случай. Этой же версии я придерживался, когда общался с полицией, хотя инспектор Кремер обо всем догадался. Он все понял… Дело в том, что за долгие годы ему уже не раз приходилось иметь дело со мной. Что же касается того, что случилось сегодня в моем доме, а также того, что я сказал Шаттаку… Все это должно остаться тайной и не подлежит упоминанию ни в разговорах, ни в каких бы то ни было открытых источниках.

— Я об этом позабочусь, — согласился Карпентер. — Все будет так, как вы хотите, за исключением тех случаев, когда на кону будет стоять успех наших дальнейших операций. Нам никогда не удастся отправить за решетку тех, кто был замешан в этой преступной схеме, однако мы сумеем положить конец их деятельности.

Мы их остановим. А вот интересно… Если бы мы задержали Шаттака, мы могли бы его сломать.

— Да ладно вам, — самодовольно фыркнул Вулф. — Будь у него железный характер, если бы он решил бороться и пойти до конца, мы остались бы у разбитого корыта. Осудить его за убийство? Ни малейших шансов! Что же до всего остального, за него встали бы легионы богачей, адвокатов и политиков… Он запросто ушел бы от ответственности, показав нам на прощание язык. — Вулф вздохнул. — Но он вывел меня из себя. Он бросил мне вызов. Он явился ко мне вчера вечером и заявил, что меня водят за нос! Я прекрасно себя знаю и потому сразу понял: это ему не сойдет с рук. Такого я просто не мог позволить. Вы в курсе, что за работу на правительство я денег не получаю и потому у меня остается совсем мало времени на частный сыск, приносящий мне доход. Я просто не мог позволить себе угробить следующие три года, а то и пять или даже десять лет на то, чтобы отправить Шаттака за решетку.

Карпентер, глядя на Вулфа, молча запыхтел трубкой. Где-то через шесть затяжек до генерала дошло, что трубка погасла, и он сунул руку в карман за спичками.

Я решил воспользоваться образовавшейся

паузой.

— Майор Гудвин просит дозволения обратиться к генералу Карпентеру, — произнес я.

— Из тебя никогда не получится толкового солдата, — нахмурившись, посмотрел на меня Карпентер. — Ты слишком дерзок и нахален. Ну так чего тебе надо?

— У меня к вам предложение, сэр. Насколько я понимаю, генерал Файф и полковник Тинкхэм и дальше будут пребывать в неведении о подлинной роли сержанта Брюс, которая, по всей видимости, является мозгом всей разведки Генштаба. Таким образом, мне кажется, их озадачит ее присутствие и они могут заподозрить, что она отнюдь не просто обычная девчушка из Женской вспомогательной службы сухопутных войск. Я шепотом спросил ее, любит ли она танцевать, а она шепотом ответила: «Да». Таким образом, со всем уважением к вам осмелюсь предложить…

— Ладно-ладно, ступайте отсюда… Да, вы оба. Дельная мысль. Ты согласна, Дороти?

— Именно поэтому я сказала ему, что люблю танцевать, — кивнула она.

Мы не стали терять ни секунды. После того как мы вышли из дому, добрались до угла, остановили такси и Дороти села в него, я, наклонившись,

обратился к девушке:

— Давайте начнем сначала. Я могу велеть шоферу отвезти вас домой, или же мы можем поехать вместе развлекаться. Итак, вы любите танцевать или нет?

— Люблю.

— Таким образом, вы сказали генералу о том, что любите танцевать, отнюдь не потому, что действовали ради блага страны и победы?

— Да.

— Великолепно! Теперь о фамильярности. Генерал называет вас по имени, лейтенанту Лоусону вы говорите: «Кен, милый…» Вы что, сидели у них на коленях, когда были маленькой девочкой, или эта привычка появилась у вас недавно?

Она издала странный тихий звук: нечто среднее между смешком и каким-то бульканьем.

— Я просто от рождения излишне дружелюбна. Кроме того, я очень покровительственно к ним отношусь. Их так хочется от всего защитить. Подобное чувство я испытываю ко многим мужчинам, за исключением тех, кто мне не нравится. Мужчины такие глупые.

Я, осклабившись, посмотрел на нее:

— Когда через пятьдесят лет я напомню вам об этих ваших словах, вы будете утверждать, что

никогда ничего подобного не говорили. — Я залез в такси. — Мне плевать, что вы про меня думаете, но мои коллеги — миллиард мужчин — очень сильно рассчитывают на меня. — С этими словами я бросил шоферу: — Клуб «Фламинго».